

Этот сладкий процесс познания

Новокузнецане – номинанты премии «Интерпресскон»
по разделу «Сверхкороткий рассказ»

Новокузнецк
2017

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Этот сладкий процесс познания

**Новокузнецчане – номинанты премии «Интерпресскон»
по разделу «Сверхкороткий рассказ»**

Составитель – Калашников Н.Н.

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Э 92

Этот сладкий процесс познания : новокузнецкие – номинанты премии «Интерпресскон» по разделу «Сверхкороткий рассказ» ; составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 56 с.

1997 год

Александр ГОЛОВКОВ

Монолог Харона с Цербером на поводке

– Посмотри, какая красота кругом. Вечные сумерки. Чёрные тюльпаны цветут. А воздух-то, воздух!.. Фу. Что, пёсик, приуныл? Обляять некого? Неправда, мир грешен. Вот у этой горки Сизиф работает. Сизиф, ты здесь? Где? Почему не работаешь? Опять перекур? Что, уже сделал? Чего ты наворочал? Смотри-ка, передовик... Почему камень такой маленький взял? Халтуришь! Бери вон тот! Понятно, большой. Работать – так работать. Здесь тебе не санаторий. Я тебе дам помощника! С помощником и дурак делает. Может, тебе ещё и зарплату платить? Тебе сказали это делать. Вот и делай. Сейчас Цербера отвяжу! Да, всю жизнь на одном месте работать будешь. Ты не вниз кати, а вверх. Сколько сегодня камней закатил? А почему так мало? Когда перевыполнять будешь? Боишься, нормы повысят? Ты не о себе думай, а об общем благе. Что значит, на кой... Разговорился... Нужна эта работа. Нужна! Я сказал. Работай, не халтурь, не срок отбываешь, наверно. Что? Ну и что ж, что загробная. Жизнь – она и есть жизнь. Что абсурд? Вся жизнь – абсурд! Камю сказал. Сосед твой. Хватит ругаться. Прописан? Прописан. Какая разница, где жить. Выписать? На волю хочешь? Тебе дай волю... Как это ты не знаешь, что делать? Вон камней сколько... Ну ты загнул! Вплывь через Ахеронт ещё никто не перебрался. Перевезти? Ты меня просишь? Я назад не вожу. Я и за взятку не повезу. Что ты требуешь? Льготы? Пенсию? Требуешь создать в аду райские условия? Хлеба и зрелищ ему... Девочек не надо? Какая забастовка? Это тебе не Кузбасс. Революционер... Что ты там ещё ворчишь? Цербер, гавкни на него! Так его, в три пасти. Ишь, социализма захотел... Ну, пойдём, много их ещё... Вон пятьдесят девиц воду в бездонный колодец носят. Ух, сейчас повеселимся с бабами. Женский труд у нас в почёте...

2003 год

Александр ГОЛОВКОВ

Этот сладкий процесс познания

Кругом были небо и земля. А между небом и землёй было оно. Оно не висело и не лежало, но было здесь, он это чувствовал. Он смотрел налево, направо, вдаль... Кое-что он видел. Но остальное ускользало за горизонт.

– Чудно.

Он решил подойти к нему с другого конца. Шёл, шёл, шёл... а конца не было.

– Странно.

Он попытался его объять, распростёр руки, сгреб в охапку. Что-то в этом было. Но не всё.

– Интересно.

Он его понюхал – пахло сладко. Попробовал съесть – горько.

Он в него плюнул, оно вlepило ему пощечину. Он бросил в него камень, в ответ оно больно ударило палкой. Он поднялся на ноги, потёр шишки и сказал:

– Хорошо.

Он пробовал его возвысить – оно присохло к земле. Он пробовал его втоптать в грязь – оно восстало.

– Что же ты такое? – спросил он.

– А что такое ты? – спросило оно.

Он улыбнулся – оно посветлело. Он нахмурился – оно потемнело.

Так.

Тридцать три года он его вычислял, прежде чем понял, что это бессмысленно.

– Ясно, – сказал он. – Это оно. Оно такое. Как я сразу не догадался? Вот оно какое, бытие наше.

Евгений ГРЕП

«Закинул старик невод...»

Дед Корней любил ловить рыбу. Правда, это у него плохо получалось.

Однако каждое воскресенье он вытаскивал из дальнего угла темнушки удочки, копал червей и шёл на речку.

Там у него было заветное место. Клёва, правда, почти не было, но тишина и красота стояли знатные.

В это воскресенье он решил, что ему повезёт. Чёрный сом, который прятался в омуте, обязательно позарится на его червяка. Почему-то до сих пор он не зарился, но сегодня обязательно...

Рыбачил дед азартно, и потому сейчас, усевшись на сухую корягу, закинул удочку и стал внимательно следить за поплавком. Поплавок, казалось, заснул. Но дед знал, что хитрый сом осторожно крадётся к его крючку...

Вдруг сзади что-то засвистело, загремело. Дед сердито сдвинул брови и сказал:

– Перестаньте безобразничать!

Он думал, что это либо его внук Феликс, либо шалопаи Сашка с Игорьком. Однако совершенно незнакомый голос произнёс:

– Извините, пожалуйста... Мы не хотели...

– Ладно, ладно... – не отрывая глаз от полавка, простил дед.

Сзади что-то залязгало, запахло дымком. Но дед решил внимания уже не обращать. Потом тот же голос смущённо попросил:

– Извините ещё раз... Мне крайне неловко вас спрашивать... Но, понимаете, у нас сломался газоанализатор... Вы не подскажите примерный состав вашей атмосферы?..

Дед вздохнул: что за день сегодня? Не дадут порыбачить. Сказал, не оборачиваясь:

– Азот... Углекислый газ... Кислород...

– А метана нет? – с надеждой спросил другой голос.

– Нет! – отрезал дед.

– Я уж и не знаю, сможете ли вы меня извинить... – совершенно грустно начал первый голос, и дед понял, что он опять сейчас что-то будет просить.

– Короче... – предложил дед Корней.

– У нас шуруп отвинтился... Нужен инструмент...

Дед отдал, не глядя, складной ножик, среди прочих лезвий имевший отвёртку.

Сзади опять лязгнуло, заскрипело...

– Большой спасибо... – поблагодарил голос и вернул ножик.

Прикосновение чужих пальцев было почему-то холодным и скользким.

– Не за что... – отрешённо пробормотал дед: поплавок немножко повело.

Загрохотало, загудело, засвистело, потянуло дымком... Потом стихло.

Поплавок нырнул, дед подсёк и вытянул пескаря.

– Не сом... – со вздохом понял он. – Ну, ничего... Я его ещё поймаю... Если мешать не будут...

Рок

Наверное, чёрт погнал меня в этот день к Павлику. Но делать мне было нечего. С работы вылетел сравнительно недавно, немного помяв машину и чуть не угробив себя. Теперь искал новую работу, более подходящую. Вот в этих самых поисках я и забрёл к нему, дабы получить помощь или совет.

Павел был здоровый малый. Он работал грузчиком в центральном универмаге, и я расспрашивал его о вакансиях на подобных должностях. Работа не ахти какая, но на первое время сгодится.

– Конечно, найдётся! – сказал Павлик. – Я обязательно замолвлю за тебя словечко. Со мной не пропадёшь!

Я не был уверен в весомости замолвленного им слова, но перечить не стал.

– Благодарю, – сказал я.

– Не стоит благодарности. – Павел положил свою трудовую пятерню мне на плечо.

Я сглотнул, с трудом удерживая такую тяжесть. Павел по-своему меня понял.

– Хочешь выпить? У меня тут бутылочка пивка есть.

Я слабо кивнул – на улице стояла невыносимая жара, так что прохладное пиво как нельзя кстати. Себе он налил простой воды с кубиками льда. Я удивлённо вытаращил глаза.

– Бросил пить, – сказал он.

Мои глаза ещё больше расширились.

– Слушай, я вывел одну теорию. Я уверен, нам всем предписан Рок, судьба. Думаю, мне предназначено судьбой умереть из-за алкоголя.

– Ты, правда, в это веришь?

– Да. – Павлик вздохнул. – Стоит мне только выпить, как начинается полоса неудач, и так до тех пор, пока не протрезвею.

– Паша, ты не одинок.

– Да нет! Это не идёт ни в какое сравнение с пьяными приключениями. Стоит мне хоть 100... хоть 10 грамм употребить, так... Видишь шрам? – Павел ткнул пальцем в лоб. – Это я через бордюр перешагивал. А это – из машины вылезал. Здесь – по ступенькам спускался. Помнишь, у меня нога была сломана? Дорогу переходил. Так что, я считаю, каждому предназначено умереть под влиянием какого-либо фактора. Я определил фактор, влияющий на меня, но представляешь, сколько людей не знают, от чего они умрут. Вот ты знаешь?

– Нет... наверное, – неуверенно сказал я.

– Вот видишь! А я бросил пить и живу счастливо. Так давай же выпьем за то, чтобы каждый человек знал о влияющем на его жизнь факторе!

Павлик поднял свой стакан. Мы символически чокнулись. Пиво оказалось приятно холодным.

Вдруг со стороны Павлика донёсся кашель. Буквально захлёбываясь, он катался по полу. Я наклонился к лежащему на боку бокалу и принялся. Алкоголя нет. Видимо, он подавился кусочком льда.

Я запаниковал, побежал к телефону. Набрал номер «скорой помощи». Потом до меня дошло, что Павлику нужно помочь. Я побежал в кухню, споткнулся, запутавшись ногами в ковровой дорожке, и упал на зашедшегося в агонии Павлика. Мой локоть со всего маху угодил ему в позвоночник, и я услышал свистящий выдох, а потом жадный вдох.

Меня разобрал истерический смех. Сам того не понимая, я спас Павлику жизнь. Нужно было просто врезать ему по спине.

– Паша, тебе ни в коем случае нельзя произносить тосты! – Я налил себе пива и поднял бокал. – За то, чтоб так всегда было, напарник!

Работа грузчиком хоть и трудоёмкая, зато не на машине...

2005 год

Ольга БЕЛОУСОВА

Нежность

Что проще? – вопрос, мне его не постигнуть,
Самой умереть или видеть, как гибнут?
С. Сурганова

Серое небо, серые тучи, чёрное солнце. Тысячи веков ожидания – и ничего не меняется. Как всегда.

Я наклонилась к кошке. Она умирала. Тяжело умирала, внутри всё переломано, а в глазах – слёзы. Я провела ладонью по напряжённому уставшему тельцу. Пальцы обожгло, не сильно, а так... словно неосторожно коснулась горячего утюга. Кошка благодарно вздохнула и расслабилась. Умерла.

В руках осталась чужая боль. Чужая – это значит, что не мешает, не тянет, только напоминает о свершившемся.

Я шагала под серым небом, зная, что на самом деле оно сейчас голубое. Под серым солнцем, чувствуя его жёлтые лучи на своей коже. Подражая людям, я вдыхала тёплый серый воздух и искала глазами тех, кому ещё должна помочь...

Чужая смерть, как чужая боль – не тянет... беспокоит немного – никто, мол, не вечен, но не тянет...

У пса были впалые бока и страшные злые глаза. Он ненавидел воду. И запахи, и звуки... И тех людей, что проходили мимо, он тоже ненавидел... Он, конечно, не думал о смерти.

Я подошла ближе.

С серого языка свесилась капелька белой бешеной пены. Мягко упала на чёрную землю, впиталась в неё, будто спряталась.

Я присела на корточки рядом с псом, осторожно погладила взлохмаченную голову. Пёс заскулил, тихо, жалобно... Я не была человеком, и он доверил мне своё горе...

Я погладила его ещё раз. Тепло длинной голодной дворовой жизни впиталось в пальцы, растеклось по телу тоской и медленным неверием в наконец-то наступившее счастье. Пёс лёг на серую землю и заснул. Тем сном, о котором сложили столько песен...

Я знаю, ТАМ он будет сначала много пить... Пусть. ТАМ вкусная вода. И он никогда больше не испытает жажды.

Я снова шагала под серым небом и чёрным солнцем. Мир столь ярок, а я вижу лишь оттенки чёрного и белого. Мир богат на радость, а мне достаётся только боль. И ладно бы – своя, так нет же – чужая...

Подушечки пальцев чуть-чуть покалывало. Я надвинула капюшон пониже на глаза, улыбнулась... Нет, на самом деле, это хорошо. Хорошо, что боль – чужая...

Я опустилась на чёрную тёплую землю. По парку шли люди и тени. Среди множества теней узнала одну знакомую, помахала ей рукой. Тень улыбнулась, но подходить не стала. Она уже нашла того, кто должен умереть сегодня, и, видимо, была занята его судьбой. Что ж, ладно. Им, теням, гораздо сложнее. Люди плохо умирают, без надежды и без покоя, и почти всегда – насовсем. И эта окончательность остаётся здесь, с тенями и чёрным солнцем. И однажды наступает предел для тени, и она уходит вместе с человеком. Так же, как и он, без надежды и покоя. Навсегда.

Поэтому – теням труднее. Они, каждая их них, даже самая молодая и зелёная, знают, что где-то когда-то появится ТОТ, последний, и всё закончится. А с миром жаль расставаться. Пусть даже в этом мире ты видишь только все оттенки чёрного и белого. Тени знают, но всё равно продолжают ходить среди людей и выбирать...

За моей спиной, по ту сторону толстого дерева что-то пронзительно пискнуло. Я обернулась. Котёнок. Маленький, серый, по-настоящему серый котёнок.

Я чуть пожала плечами.

Котёнок пискнул ещё раз. Не от боли. Я бы почувствовала её и забрала, как забирала у других. Нет, не от боли. От одиночества. Котёнок был один и боялся. И он видел меня и пищал, и просил, чтобы я увела его ТУДА, туда, где он не будет один...

Да. ТАМ вкусная вода и нет одиночества... И если ты хочешь... ты ведь сам решил... слышишь, серый?

Сам.

Я протянула руку, привычно готовясь к мгновенной боли-ожогу.

Котёнок благодарно пискнул, поднялся на тоненькие лапки, засеменял ко мне...

Я сжала кулак. Я не смогла.

Не смогла.

Котёнок забрался мне под плащ, ткнулся холодным мокрым носом в босую ступню. Он просил покоя.

А я не смогла...

Закрыла глаза, отгоняя непрошенное чувство – нежность. Я искала в себе серое сочувствие и сопереживание, но вместо них была только

эта странная белая нежность. Я гнала её, а она отбегала на мгновение, обходила стороной... Склоняя голову, ласково смотрела на меня из под длинной белой чёлки, и всё возвращалась и возвращалась, ко мне и к моему одиночеству.

Я открыла глаза, смирившись. Сняла с головы капюшон. Тени, проходившие мимо, удивлённо вытянулись и замерли... Я улыбнулась. За тысячи веков ожидания никто ни разу не видел моих волос.

Потом я вытащила из под плаща маленькое серое... живое... существо.

Котёнок. Пусть будет котёнок.

Он доверчиво свернулся в ладони, словно понял вдруг, что одиночество ушло и больше не вернётся...

Я погладила пушистую, по-настоящему серую шёрстку. Котёнок тихо, тепло мурлыкнул.

Нежность была белой-белой...

Александр ГОЛОВКОВ

История любви

Они встретились случайно в центре города. Они появились с разных сторон площади и медленно, но уверенно приближались друг к другу. Они были почти ровесники. Они были очень удивлены.

Тишина оглушала их. Пыльный асфальт пробили вялые побеги растений, согнувшиеся в раскалённом воздухе. В тени высохших веток прятались пауки. Дралась скорпионы за место в бездействующем фонтане. Они встретились на площади, как в пустыне.

Он взял её за плечо, удивляясь нежности её тела, она прикоснулась к его руке, восхищаясь упругостью мышц. Потом они долго напряжённо смотрели друг другу в глаза, пытаясь постичь смятенные мысли и чувства. Это было так странно. Как впервые.

– Я никогда не видел таких, – выговорил он на малопонятном ей языке.

Он хотел её обнять. Она отшатнулась.

– Не бойся, – сказал он. – Я люблю тебя.

Она нерешительно остановилась.

– В Европе я бываю часто, но раньше я тебя не встречала.

Она пристально смотрела ему в лицо. Он ей нравился и отпугивал. И это чувство было ей незнакомо.

– Я не хочу с тобой расставаться, – снова сказал он. – Я давно уже никого не видел. Мои родители умерли. Я увезу тебя в Азию. Я там живу. Там, дома, у меня работает много заводов-автоматов, которые производят топливо, электроэнергию, шьют для меня одежду, выращивают хлеб... Я буду любить тебя.

Он протянул руку к её выжженным солнцем локонам.

– Я не могу с тобой поехать. Моя мама болеет, – глухо отозвалась она. – Поедем к нам в Америку.

Он с готовностью согласился.

– Мы отправимся туда вместе, или ты полетишь на своём самолёте?

– Я хочу с тобой, – она прижалась к его груди. – А самолетов в Америке осталось ещё много.

...Старенький автомобиль катил по пыльной мостовой среди обветшавших небоскрёбов.

– Раньше здесь, наверное, было очень интересно и весело, – предположила она.

– Да, – вздохнул он. – Но это было давно. Когда нас не было. Что делать, мы жертвы благополучия. Ты же знаешь, это началось ещё в двадцатом веке. Семьи стали состоять из трёх человек.

– Да, увеличился темп жизни, людям было некогда жить, они торопились...

– Нет, просто было хлопотно возиться с детьми. А все хотели жить беззаботно. Они, наверное, не думали о нас. Они отдыхали в благоустроенных квартирах, катались на автомобилях, развлекались в кино, в ресторанах.

– И двое после себя оставляли жить одного. Сначала стало некому работать. Тогда людей заменили автоматы. А теперь вот некому жить.

– Возможно, мы последние из всех живших когда-либо людей и последние из влюблённых. Мне даже сейчас ещё как-то не верится, что нам удалось встретиться на этой пустой планете.

– А я уже не могу представить, что ещё час назад не знала тебя, не знала, что ты есть. Я тоже буду тебя любить. Я никуда не отпущу тебя из Америки. Там у нас тоже работают заводы. Папа перед смертью запрограммировал их на триста лет. Они будут работать, когда мы тоже уже умрём. Когда уже никого не будет.

– Они будут работать для наших детей. У нас будет много детей.

– Но они уже не смогут продолжить человеческий род, ведь браки между родными оканчиваются плохо.

Машина тащилась по едва заметной дороге среди песчаных откосов, за склоны которых цеплялась убогая растительность с развешанной на ней паутиной.

До аэродрома они доехали молча. Ключ зажигания остался в притихшем на взлётной полосе автомобиле. Салон самолета встретил их приятной прохладой. Он сел в кресло пилота и усадил её к себе на колени.

Огромный лайнер взлетел над городом, над мёртвой планетой.

– А может, на Земле остались ещё влюблённые?

Смерть Эзопа

Сидели мы как-то жарким днём у ручья, кушали сэндвичи (бутерброды, гамбургеры, хлеб с маслом), запивая зельтерской (боржом, минводы, пиво), и пастораль наша была светла. Так нет же, прибежал тип, без штанов, с мохнатыми ногами, при галстукe «от Ле Монти», с диктофоном, крикнул: «Великий Эзоп умер! Что вы на это скажете», – и ткнул нам под нос микрофон. И тут мы ка-а-к сказали...

Великий Эзоп не умер. Великий Эзоп только родился. Он каждый раз рождается тогда, когда люди в своём слепом безумии считают, что уже сделали, познали и сказали всё, что только можно было сделать, познать и сказать. Он победно кричит, продираясь сквозь материнское лоно, плюёт во все стороны и хохочет как ненормальный, напяливая на себя рабский ошейник. Он свистит в два пальца и говорит нам: «Смейтесь, смейтесь над собой – умные, серьёзные, жадные дураки. Вы облезли от скуки и одиночества и придумали себе духовность на досуге. У вас скоро отсохнут языки болтать о злонравии и безумии рытья ям и подпиливания суков, в то время как ваши руки неустанно заняты и тем и другим. Вы рассуждаете о далёких и заманчивых горизонтах, обнеся себя высокой оградой и уткнувшись носом в миску с похлёбкой. Вы... Смеётесь, хохочите, надрываясь, и пукаете...»

Впрочем – нет. Он выйдет весь в белом, строгий, умытый, мудрый, и скажет: «В последнее время отчётливо прослеживаются обнадеживающие тенденции: высокоразвитые технологии, увеличивается процент интеллектуалов в правительствах, довольно многие вспомнили о необходимости религиозного воспитания и комплексных подходах в педагогике. А экологические программы?» – И пойдёт, пойдёт раскладывать перед почтеннейшей публикой страницы пухлых меморандумов. И вдруг весь как-то сморщится и заплачет.

Как вы думаете? А?

А в газете «Античные огни» напечатают: «Смерть Великого Эзопа носила явно провокационный и скандальный характер. Что ж, может быть, это чему-то научит усопшего».

2009

Сергей БУЗИН

Пассажир из прошлого

Мужчина резким движением распахнул дверь машины и сел на заднее сиденье. Он явно торопился.

– Ну что, поехали назад – в моё настоящее и их будущее, – кивнул за окно пассажир с улыбкой.

– Год, месяц, число и город, – спросил водитель и рукой потянулся к сенсорной панели.

– 2045-й, девятое мая, Москва, – быстро проговорил мужчина с улыбкой на лице. Таксист набрал цифры, и на мониторе навигатора появилась карта города Москвы. Машина тронулась с места и начала набирать скорость. За стёклами машины погасли огни станционного городка. Такси плавно и бесшумно двигалось во времени, в полной темноте. Таксист молча следил за мелькающими цифрами на мониторе и переключал режимы управления.

– А мне тоже вот приходится часто ездить – из настоящего в прошлое, – начал разговор пассажир. – К прапрадедушке и прапрабабушке, живут, вернее, жили в селе. Сами понимаете, послевоенное время, совсем ничего нет. Вот и приходится ездить к ним в прошлое, то продуктов привезу, то кое-что из одежды, – пассажир вздохнул и замолчал.

– А я подумал – бизнес, – таксист посмотрел в сторону пассажира.

– Да какой там бизнес, – махнул тот рукой.

– А в будущем у своих правнуков бываете? – спросил таксист у пассажира, тот сразу погрузился.

– Нет, не бываю, будущее меня страшит.

Таксист ткнул пальцем несколько кнопок, и машина плавно остановилась; за окнами сразу посветлело, проступили контуры улицы с подземным переходом, появились пешеходы, машины, и через несколько секунд появился звук города.

– Я выйду здесь, пройду, мой дом напротив через дорогу, – сказал пассажир и, расстегнув пальто, полез рукой во внутренний карман пиджака за бумажником.

– Сколько я вам должен? – спросил он. Таксист повернулся к пассажиру и увидел у него на пиджаке значок депутата Государственной думы.

– Тройной тариф, в оба конца, – неторопливо ответил таксист. У пассажира вытянулось лицо в немом вопросе.

– За такое будущее надо платить! – произнёс таксист и указал пальцем в сторону подземного перехода, где стояла старая нищенка – с посохом и протянутой рукой для подаяния.

Сергей ЗАГНУХИН

Козлиная история

«Когда б вы знали, из какого сора...»

А.Ахматова

Жил был у бабушки серенький козлик, бабушка козлика очень любила...

А так как, кроме бабушки, козлика никто не видел, то бабушка жила в психиатрической лечебнице. И там её тоже все очень любили. Потому что, кроме козлика, жили у бабуси ещё три весёлых гуся. И в ненастную погоду бабушка очень забавно этих гусей гоняла, немало потешая всех обитателей этого скорбного дома. А когда гуси разлетались, чтобы сесть на провода, вне пределов слабого бабушкиного зрения, заводила она разговор с колобком, который тоже у неё был. Прикольный получался разговор, ведь был это вовсе не колобок, а только маскирующийся под колобка бритый пьяный ёжик, сбежавший от другого постоянного жителя сего заведения. Вот во время одного из таких разговоров научил её этот оборотень без погон, как сбежать из нашего дурдома.

И ведь сбежала бабушка, ушла вместе со всем своим зверинцем, большой, видно, дока в подобных делах был бритый консультант-перевёртыш, как хотите, но было в нём что-то от колобка.

Единственный, кого встретила наша бабуся за время своего недолгого странствия, был чудаковатый профессор, академик какой-то суперпатриотической академии – страстный собиратель народной мудрости, с первого взгляда сражённый бабкиной древностью. Уж и отвела бабушка душу, найдя в его лице благодарного слушателя, а в его руке не менее благодарный микрофон с диктофоном. Присела им на уши и мембраны по полной программе – на все сто.

После этого долгого, приятного для обоих собеседников и судьбоносного для родимой науки разговора разошлись их пути дороженьки навсегда.

Бабушку вскоре отловил соскучившийся без неё персонал клиники, а профессор вернулся в свою Академию Патриотического Возрождения Отечества и в рекордно короткие сроки написал толстенный том о живучести в народной памяти «Глобально-

Архаических Глубинных Архетипов» (сокращенно ГАГА), на основе которого вскоре была разработана наиновейшая архинаучная теория скорейшего патриотического воспитания родного народонаселения.

В общем, напали на козлика серые птички... Такие вот патриотические пироги пекутся где-то на наши головы.

Когда б мы знали из какого г...умуса рождаются некоторые теории...

Дарья ОРШАНСКАЯ

Зимняя сказка

Жили-были на свете Боги-Творцы.

Творцы они были, потому что им положено было творить. Вот они и творили: кто лес, кто море, кто – город, кто – страну, а кто – целую планету с людьми и животными.

Работу свою Боги любили. Им было интересно, кто из людей чего хочет. Увидели, что кому-то нравится тепло – и сделали везде лето. Увидели, что кто-то прячется в тенёк, ища прохлады – сделали зиму.

Среди Творцов был один маленький Бог. Этот маленький Бог очень любил ледяную ключевую воду. Он часто играл с ручьями, а они, будто добродушные щенята, ластились к нему. Этот Бог и придумал зимой снег! Все остальные Боги были в восхищении. Такая красота! А то раньше зимой было совсем неинтересно, просто холодно, и всё...

Маленький Бог был очень горд своей придумкой. Он часто спускался на землю, одевшись, как и все люди вокруг – в тёплую куртку, ботинки, штаны и вязаную шапку с помпоном – и стоял посреди улицы, глядя в небо, откуда падали пушистые хлопья снега. Особенно он любил это делать вечером, в свете фонарей. Все принимали его за простого мальчишку, и никому до него не было дела...

Восхищённая его задумкой, ещё одна Богиня придумала листопад. «Это тоже снег, – говорила она, – только не холодный, а золотой, багряный, оранжевый!» Тётушка маленького Бога придумала капель весной. «А что, – сказала она, – по-моему, очень даже неплохо!»

И всё было бы хорошо, только Боги уж очень увлеклись творением таких вот маленьких чудес. Они придумали прибой на море, и красивые звёздные ночи, и свежий ветерок по весне... Они придумали каминь, санки и лыжи, придумали книги и дни рождения, новый год и подарки... И тогда вышестоящие Боги заметили, что эти Боги-Творцы уж слишком увлеклись.

Эти вышестоящие Боги строго предупредили Богов-Творцов, чтобы те не увлекались... но они не послушались. Творцы были рады

своим маленьким чудесам, они чувствовали себя маленькими детьми, у которых хотят отобрать любимую игрушку...

Вышестоящие Боги рассердились. Они поняли, что их уговоры ни к чему не приведут. И тогда они лишили их способности творить, а потом взяли и поселили этих Богов на созданной ими же планете, оставили их наедине с теми чудесами, что они сотворили... впрочем, нет, не наедине. Ведь на этой планете уже жили люди, для которых и старались Боги...

С тех пор прошло много лет. Боги-Творцы постепенно вымерли. Они придумали множество легенд для своих детей, пытаясь оправдать своё присутствие на этой планете: и про звёздный ковчег, и про волшебный сад, и ещё много-много других... Правда, эти смешные люди опять всё переврали, и получилось как-то не так...

Боги потеряли возможность творить миры в настоящем. Им остались лишь те миры, что они могли воплотить своей фантазией...

Тем не менее, то там, то тут блеснёт лучик света. То прозвучит берущая за душу песня, то кто-то напишет удивительный роман, то просто стих... И ты вдруг поймёшь, что это они – потомки Богов-Творцов, они здесь, среди нас, мечтают, живут, творят... Поэтому не удивляйтесь, если вдруг увидите на запорошенной снегом улице фигуру мальчишки, стоящего под серым небом и упорно ловящего ртом снежинки... Может быть, он – потомок Творцов, и он только теперь понял – как же это сладко и больно – Творить...

2010 год

Сергей ЗАГНУХИН

Серая напасть

Славен, богат и весел был город Гамельн, пока не избавился от крыс и не лишился своих детей. Богатство осталось, слава потускнела, а смех навсегда покинул его дома, улицы и площади – вслед за страшным крысоловом и его волшебной дудкой. А в утешение остался только рассказ старого слепца о далёком крае, где передвигаются только бегом и вприпрыжку, где с молодых лиц не сходят улыбки – городе Гамельнской молодёжи.

И тут новая беда настигла печальных бюргеров, купцов и ремесленников. Безжалостный враг окружил высокие стены. Как будто неведомая бездна исторгла волны низкорослых латников в серых доспехах, затопивших всю округу и плотным кольцом окруживших многострадальный Гамельн.

Золотые шпили и вместительные кладовые славного города часто привлекали жадные взгляды завоевателей, но бургомистру и магистрату всегда удавалось собирать с сограждан достаточно звонкой монеты на крепкую дружину или весомый откуп, да и своя стража не даром ела хлеб. Но эта серая напасть нахлынула так неожиданно, что правители не успели кликнуть клич «ландскнехтам удачи», а своих воинов хватало только на обычную дозорную службу.

Странный это было враг: выкупа не требовал, стены не штурмовал и гонцов не принимал. Просто перекрыл все входы-выходы и обрёк город на голодное вымирание.

Нетвёрдой походкой плетётся по пустынной улице исхудавший бургомистр, от былой дородности не осталось и следа, торжественная мантия болтается, как будто натянута на жердь. Долго ещё перебирать ногами до ратуши, мало осталось сил у городского главы, но сегодня последний, быть может, совет – надо добрести. Споткнувшись на ровном месте в очередной раз, присел передохнуть на скамеечку рядом с живыми, пока ещё, мощами трактирщика Йоганна Брандта. Упитанный окорок с вывески издевательски ощерился на обоих.

– На совет? – почти шёпотом, от упадка сил, полуспросил трактирщик и, получив в ответ только слабый кивок, продолжил: – Без толку... кончается старый Гамельн... всех собак поели... Вот сейчас

бы приманил крысолов всех крыс с округи, то-то славно попиروвали бы... Не судьба... расплачиваемся за жадность, да за голодных крестьян, на которых хотели нажиться при той засухе и неурожае.

– Расплачиваемся за жадность? – такая мысль не приходила бургомистру в голову. – И за страдания голодных?

– Так говорят, – кивнул трактирщик, – причём получаем той же монетой, на собственной шкуре всегда доходчивей... недаром эти серые на крыс похожи... а детки наши невинны были, вот Бог и попустил дудочнику увести их, а погубить не дозволил – вывел.

– Иоганн, а если мы раскаемся? – неожиданно для себя выронил городской голова.

– А сможем – по настоящему-то?

Не ответив, бургомистр сполз со скамьи и, путаясь в складках мантии, засеменил к главной площади. Ох, долог ещё путь до статуи Роланда с мечом перед ратушей, вот кому голод нипочём. Лишь бы хватило сил дойти, да было кому донести эту мысль о покаянии. Костлявая рука голода душит всех, самые богатые и именитые – не исключение. А запасы пришлось делить на всех, во избежание голодного бунта.

Дойти... Рассказать... Ударить в колокола собора святого Бонифация... Собрать всех кого можно... Раскаяться... Ведь больше ничего не остаётся. За все месяцы осады никто ничего толкового не придумал, ни главный судья Каспар Геллер, ни хитрющий Гангель Мун, никто.

– Господи, – бормотал трактирщик, глядя вслед удаляющейся фигуре, – помоги нашему неверию!

2011

Елена БАРАНОВА

Ошибка мастера

Была тишина. Тишина была такой огромной, она заполняла весь мир. Была неподвижность. Неподвижность тяготила так давно, что Он уже привык к ней. Была тьма. Тьма была такой густой, она поглотила бы любой свет. Но Он любил Тьму. Когда-то, так давно, что даже Он начал забывать о том, тьма сопровождала его, куда бы Он ни шёл. И не было в этой бездне ни звука, ни движения. И так было вечно. Хотя, что такое вечность для места, где нет времени...

Но потом едва слышный шёпот протянулся в бесконечную Бездну за гранью мира. Он слышал этот шёпот и не внимал ему. Прошла ещё одна вечность, прежде чем он понял, что зовут его. Голос стал внятнее. И ещё через вечность в Бездне возникло движение. Медленно, словно заново учась шевелиться, Он двинулся на зов. И на пороге Бездны он встретил их. Их было трое. Они совсем не походили на тех, кого он ждал. И они были испуганы.

Народ уже начал собираться. Сейчас нужно будет начинать парад. Торопливо прогоняю в сознании всё, что нужно сказать. Это далеко не первая моя игра, и каждый раз перед парадом я жутко волнуюсь. А эта игра ещё и особенная. Впервые я отрелась от книжных миров и отважилась пустить игроков в путешествие по моему собственному миру. По кусочку моей души. И мир тоже был странным. Я увидела его во сне. Причём это было не одно краткое видение, как обычно, а целая череда навязчивых снов. Что за мир мне явился? И кто мне его явил? Самое яркое видение – обряд, который будет проведён прямо на параде. Вот уже сейчас.

Внезапно меня охватил страх, слепой и безотчётный.

Но парад уже начался. И почти сразу появился азарт, знакомый всем мастерам. Азарт смыл страх, теперь уже игра несла меня, и я была не в силах что-то изменить.

Представление. Привычно называя имена, я высматривала трёх девчонок, которые будут проводить обряд. Блин, красиво должно получиться. А вот высокая фигура, закутанная в чёрный плащ. Это его будут сейчас вызывать из Бездны.

Сейчас. И вот уже три фигуры в чёрном устремляются к центру поляны. На колени. Руки воздеты. Вокруг пара фейерверков – не

слишком ли ярко они вспыхнули? Прижаться к земле. Правильно. Теперь встать. Теперь призыв. «Повелитель вернись, я займу твоё место!» Как же долго мы это репетировали. Кстати, фейерверки давно должны кончиться. Пора. Парень в чёрном плаще вышел в круг. Сейчас он скинет плащ и разорвет цепи. Потом я выкрикну его имя. И всё. Игра «Возрождение тьмы». Почти с облегчением я шагнула вперёд. Над полигоном повисла какая-то неестественная тишина.

И в этой тишине бичом ударил по ушам одновременный крик трёх девочек, стоящих в центре. Под ногами у них развернулась тёмная воронка, засасывающая всё – обгоревшие петарды, траву, мою папку с правилами и – самое страшное – трёх девочек. Они ещё не поняли, что происходит, и в их глазах было больше изумления, чем страха. А через миг они исчезли. А на том месте из ниоткуда выросла высокая фигура, окутанная тьмой, словно плащом. В разные стороны полетели звенья разорванной цепи.

Первое, что Он почувствовал, вновь придя в мир, это старость. Мир стал невероятно старым с тех пор, как его заточили. Потом он ощутил присутствие – в этом месте собралось много разумных. Но они отличались от тех, кто когда-то возносил к нему молитвы. А потом он понял, что все собравшиеся до крайности изумлены его появлением.

А потом он прозрел. Он увидел большую поляну, окружённую лесом, и сборище на ней – все глядели на него с удивлением и ужасом. Одна из собравшихся вышла вперёд и довольно дерзко крикнула:

– Кто ты?

Он медленно поклонился ей:

– Примите благодарность за моё освобождение.

– Откуда же ты взялся?

– Вы сами призвали меня.

– Да? Но мы не хотели! Это... это ведь была только игра!

– В хорошие же игры вы играете!

– Прости нас. Мы не хотели, чтобы ты приходил!

– Поздно. Я уже пришел.

Евгений ГРИГОРЬЕВ

Геометр

Никогда ещё я не видел таких посетителей.

Он вышел из берёзовой рощи, со стороны поляны с сиреневой беседкой, в которой так часто любят глумиться приезжие. Обвешанный кусочками фольги, он отбрасывал вокруг себя радужные блики, и кожей – странно оттенён. Он выступил, любознательно оглядываясь по сторонам, широко раздувая ноздри, с весёлой

улыбкой полудиота, мечтающего пополнить. Он осторожно подошёл по травяному покрову ко мне и улыбнулся до пояса.

– Хоро-о-ошая у вас Земля! – проговорил он, восхищённо закатывая глаза. – Кру-у-углая!!

Ольга ДУДАРЕНКО

«Душно, дедушка...»

– Ну, рассказывай, девонька, что у тебя за печаль?

– Душно мне, батюшка.

– Душно? Тоска, значит, давит?

– Давит, батюшка. Так давит – до омута довела.

– Как звать-то тоску-кручину?

– Да никак, батюшка.

– Эк ж ты, однако: топиться пошла, а имени не узнала?

– Что ты, батюшка, не любовь это. Говорю: душно мне на земле, тяжело.

– Понятно оно: когда тоска, известное дело – не дышится, так ведь какая тоска у девки-то в твои годы, если не любовь? Мутишь ты, девонька. Думаешь, если я водяной, так не понимаю ничего? Зря ты это, девонька.

– Да как же я, батюшка, тебе солгать-то могу? Мёртвая же я.

– Э, вы, девки, всегда соврёте: а живые там или мёртвые – дело десятое. Вот ты мне правду скажи: глядишь, легче станет.

– Такое, батюшка, не расскажу. Не умею.

– Это чем же обидеть надо, чтобы не рассказать? Плохой тебе встретился человек.

– Нет, люди хорошие, только мне с ними плохо.

– Так не бывает, девонька, чтобы с хорошими людьми тошно жилось.

– Бывает.

– Ты, девонька, брови не хмурь: ты говори, что случилось? А, ладно, не говори, все вы, девки, хмурые сюда приходите, квёлые, лица на вас нет... Поживёшь у моих хохотушек – развеселишься.

– Дедушка, а можно так, чтоб не жить?

– Это как? Назад, что ли? На сушу?

– Нет, дедушка, не на сушу, а... дальше.

– Ишь, что удумала! Дальше ей, а ты знаешь, что дальше-то? Дальше-то и... ничего, дальше-то. Ничего.

– Знаю, дедушка. Отпусти.

.....

– Сбегу! Все равно сбегу!

– Да к тебе ж, девонька, озеро наше со всей душой, а ты так. Кто ж тебя за косы топиться тащил?

– Знала бы – удавилась.
– Ах, так? Ну, давься, давься. Посмотрим, как выйдет... Что смотришь? Иди.
– Куда?
– К людям.
– Не хочу!
– Хочешь, не хочешь. Не моё это дело. А там хоть давься, хоть веслом убейся!
– И убьюсь!
.....
– Эй, слезай с осины. Вижу, что висишь. Повисела – и будет. Вам волю дай, так на каждом суку по трое приладитесь... Слезай, говорю! Слезла? Вот и давай, ножками, ножками... а то завели, видишь, моду: как осину увидят, так сразу...

Сергей ЗАГНУХИН

Свой крест

Неси свой крест.
Христианская мудрость

Однажды я встретил Бога. И не узнал его.

– Ты кто? – говорю.
– Я – Бог, – говорит.
– Ух ты, – обрадовался я. – И всё можешь?
– Могу.
– А можешь меня Богом сделать?
– А хочешь? – обрадовался он.
– Конечно, – удивился я.

И стал я Вседержителем.

И навалились на меня заботы о бесконечной Вселенной. Все эти галактики, туманности, квазары-мазары, звёзды, планеты, растения, микробы, бактерии, насекомые, животные.

А цивилизации. Гуманоидные, негуманоидные, каменоидные, энергоидные, ещё богегознаеткакоидные. Одного человечества несколько миллиардов.

Миллиарды микрокосмосов со своими нуждами, чувствами, мыслями, стремлениями, молитвами, требованиями и ожиданиями.

Мать моя женщина! Куда деваться со своим всеведением-вездесущностью, и что делать с этим всемогуществом.

– Господи! – возопил я. – Верни меня обратно!

И вернулось всё на круги своя.

Какое счастье. Семья, работа, дача, отдых, увлечения – обычные человеческие заботы. Живи и радуйся.

Тем более что за миг всеведения я узнал: ни глобальной войны, ни конца света не будет. По крайней мере, на моём веку. Аминь.

Олеся ЛОГУНОВА

Самый сладкий сон

Вообще-то Кракозьяврики способны жить везде – на море, на суше, в горах, на деревьях, в норах... Где уснул – там и дом.

Но вот этот почему-то решил устроиться именно в кармане моих штанов. И, главное, карман-то не то, чтобы самый большой... Но, говорит, что уютно.

Я первое время напрягался, а потом решил, бог с ним, нехай живет...

Беспокойства особого он не доставлял. Вот только есть он любил рано утром, при этом отвратительно и громко чавкая. Что уж он там ел – непонятно. Я вообще не знаю, чем эти существа питаются. Этот говорит, что питается моими снами. Неужели поедая сны, возможно так чавкать?

Зато он здорово развлекал меня своими байками. Ну, например, он утверждал, что лично знаком с Бабой-ягой и никакая нога у неё не костяная, а очень даже цельнометаллическая. Или рассказывал об утренних играх русалок. Эти завлекательницы по утрам собирали росу с кувшинок, а потом брызгали её на стрекоз. От этого стрекозы становились златокрылыми бабочками, которые приносят людям мечты.

Разумеется, я не собирался во всё это верить. Я же твёрдо знаю, что никакой Бабы-яги не существует, да и русалки, если и жили когда-то, то должны, нет, просто обязаны вымереть при нынешней экологии. Но Кракозьяврик обижался.

– Как это – вымереть? Да они, знаешь, и не такое переживали, подумаешь, экологией запугали! Да мы все жили ещё при парниковом эффекте, да мы ещё всех вас, людей, переживём, и экологию эту вашу тоже переживём. Нам всем знаешь сколько лет? Знаешь? Нет? Вот и я не знаю.

– Конечно, не знаешь, ты же считать не умеешь.

Кракозьяврик окончательно обижался, а у меня становилось паршиво на душе. Ну, вот опять, мол, зачем обидел? А может, и правда существуют все эти русалки, бабы-яги, лешие... Кракозьяврики же существуют. Хотя скажи я кому об этом, меня бы, в лучшем случае, на смех подняли.

А однажды он познакомил меня с домовым. Причём с моим же собственным. Ну, скажите на милость, откуда я мог знать, что у меня

под кроватью живёт очень даже симпатичный старичок? И что этот старичок очень любит чай с вареньем и давно обижается на меня, что я его этим вышеуказанным лакомством не угощаю? А слабо было как следует представиться сразу: вот, мол, я твой домовый, живу здесь, хочу есть. А то, видите ли, не принято у них так... А я сам догадываться должен... Ну, в общем, дулся он на меня этак минут десять, потом я ему этого самого чая принёс с вареньем сливовым, и домовый оттаял. Мы с ним с тех пор дружим крепко. Правда, в гости он больше не ходит, хотя куда ходить, и так под кроватью живёт, только невидимо как-то. Зато чай с вареньем я ему всегда под кровать ставлю. Так что чавкают мои соседи теперь вдвоём. А домовый ещё и хлюпает.

А в январе Кракозяврик мне ветку принёс. Берёзовую. Зелёную-презелёную.

– Ты, – говорю, – где такую взял среди зимы?

– В гости ходил к другу. Он в волшебном лесу живёт, там всегда всё зелёное.

– Что, в наше время и такой лес ещё существует?

– А куда ему деться-то?

– Ну, ты смотри, какой он, волшебный мир этот ваш. Ниче ему не делается, как ни издевайся, – удивлялся я. Не поверить я уже не смог.

– Это ещё что, вот через месяц на ней яблочки появятся...

– На берёзе-то?

– А то? Яблочко-то от берёзки недалеко падает! Сейчас мы её в водичку поставим и появятся они, миленькие...

Яблочки и в самом деле появились. Наливные, румяные... В тот день мы с Кракозявриком и домовым праздник устроили – Яблочный Спас. Ну и что, что не по календарю, зато весело. Мы друг друга спасали яблоками. Домового спасали от сливового варенья, Кракозяврика от чавканья (так и не спасли, к сожалению), а меня... А меня не от чего спасать. Кракозяврик предложил от неверия спасать, но я отказался. Что ещё за неверие, я от него давно спасся. Как тут не верить, если яблоки на берёзе среди зимы растут.

– Вот и тебя яблоки спасли, – резюмировал Кракозяврик, – это и называется Яблочный Спас.

В одно прекрасное утро Кракозяврик меня окончательно достал своим чересчур громким чавканьем:

– Ну, когда ты, наконец, закончишь! – возопил я. Возопил шёпотом, чтобы мои не услышали, а то решат, что я рехнулся. Кракозявриков, кроме меня, никто не видел, и, надо полагать, мне бы никто не поверил.

– Не скоро, – ответило это недоразумение, – я же не виноват, что сегодня тебе приснился такой большой и вкусный сон.

– Я лично не помню, что мне снилось.
– И не вспомнишь. Я же его съел. А приснилось тебе всего лишь небо. А ты летал.
– Прямо в небе? Задевая облака и крыши небоскрёбов... Делая виражи и смеясь от радости...
– Вот ещё. Тоже мне – орёл... Летал на два метра от земли, нелепо размахивая руками и совершенно не управляя телом.
– И это ты называешь полётом? Чутьё какая-то, – зевнул я.
– Не чутьё, а вполне реальный полёт. Такой, как у всех людей.
– Это во сне-то? Реальный?
– А ты думал? Я же ем это, и вполне реально насыщаюсь.
И мне стало как-то грустно. Ну и как это, интересно, называется? Два метра... Я, что же, получается, даже во сне нормально полетать не могу? И где же в этом мире справедливость?

Чавканье Кракозьяврика закончилось, и я смог снова заснуть. Мне приснилось, что я стою на крыше огромного здания и собираюсь спрыгнуть, взлететь. Но как-то боязно... Помучившись, я спускаюсь вниз, грустно бреду по улицам. И вдруг взлетаю. На два метра. Беспорядочно махая руками. Совершенно не управляя телом. Как все люди. И какое же это наслаждение – летать! И дело-то не в высоте. А в этом ни с чем не сравнимым чувством ликования, лёгкости и бог знает чего ещё! Я лечу, лечу, лечу!!!

...И пусть Кракозьяврик подавится таким прекрасным и сладким сном...

Максим ПУДАЛОВ

Мясорубка

Комната, где я нахожусь, большая, просто огромная. Если честно, даже я не знаю её границ. Она вся состоит из пустоты, по которой разбросаны миллионы маленьких огоньков – звёзд. Они тщетно пытаются осветить тьму, но это у них никогда не получится, поскольку они смертны. Звёзды рождаются и умирают, а тьма вечна. Но и она не будет безраздельно властвовать в моей комнате. Поскольку после каждой умершей звезды, рождается новая. Так было всегда. Я это создал ещё, когда был совсем маленьким. Или может быть, так было изначально? Не знаю.

А ещё в моей комнате есть Телефон. По нему я могу разговаривать с Игрушками. Но не все из них могут это выдержать, поэтому мне редко удаётся поговорить. Но об Игрушках я расскажу вам позже.

Сейчас я сижу напротив Воображалалика. Он помогает мне создавать. Всё, о чём я думаю, сразу воплощается в моей комнате.

Иногда это не совсем хорошо, потому что я иногда начинаю думать, не отключив Воображалик. На Игрушки это плохо влияет.

Самое интересное в моей комнате – это Солнечная система. Там вокруг симпатичной звёздочки вертится Земля. И на ней как раз и живут мои Игрушки. Вы спрашиваете, что они делают? Вообще очень много всего, но в принципе все их дела можно свести к одному Делу. Там есть большая Дорога, усыпанная светом, и все Игрушки идут по ней. Они слепые и ничего не видят. Но всё-таки иногда появляются зрячие, но они стараются побыстрее увидеть свет, чтобы ослепнуть.

А в конце Дороги стоит Мясорубка.

Игрушки с радостью проходят сквозь неё и превращаются в фарш, которым питаются другие Игрушки, пока идут по Дороге. Не правда ли занимательно?

А в это время на пороге моей комнаты стояли папа и мама. Они разговаривали:

– Дорогой, мы правильно сделали, что купили ему эту комнату? У нас теперь огромная брешь в бюджете.

– Да, милая, правильно. Эти комнаты теперь очень модные. И психиатры говорят, что они для детей полезны. Кроме того, она нам очень дёшево досталась. Хорошо, что Перун, тамошний механик, мой давний знакомый. А с Зевсом, главным наладчиком, мы вообще в одном классе учились. Так что модель у нас самая последняя, да ещё и доставшаяся в половину цены.

– Я тебя люблю, милый.

Они долго целовались. А Игрушки: мужчины, женщины, дети – всё падали и падали в Мясорубку дождём кровавых тел, погибающих чувств и пустых мечтаний.

Виктория ТРЕГУБОВА

Крикунья

На лысом холме, опоясанном большим валом бурелома, стоит Крикунья. Её иссушённая фигура выточена из очень крепкого посеревшего дерева ещё в стародавнейшие времена. Её всклокоченные волосы хаотично треплет постоянный на этой высоте ветер. Они исключены ливнями и дождями и истрескались от трещин-ростков солнечных семян. Но каждое поколение кто-то подновляет их.

Крикунья однонога. А широкие крылья на безруких плечах всегда поворачивают её лицом к ветру. В лице вырезан широко разинутый рот, откуда расходятся пещерки, в которых под порывами ветра рождается странное сочетание недобрых звуков.

Среди беспорядочных нагромождений растительного хаоса Крикунья каждодневно длительно и упорно выводит свое житьё-нытьё. Колючему глухому лому сухих ветвей, скудно растущим на этом пустыре живым веточкам, редко проходящим по нему зверям, легучим и в прахе струящимся, – каждому, кто окажется с ней рядом, бросает она в уши сумбурную, грустно-озлобленную горсть звуков. Звуков, врубаящихся сорными корешками в красную, жёлтую или иную плоть. Это то шипящие мусоринки ругани, то трясинка всхлипываний, то затягивающие воронки-лютики тяжёлого кашля, то пронзительные звуки тела человека, остающегося в кромешном одиночестве. Или, в непогоду, это искорки ужаса, взрывающиеся грибы-бульканья вытекающей крови, сухие карканья прощания с жизнью, рукой или ногой.

Странно, что звери и даже растения, кажется, избегают Крикунью. А вот люди поселились у её холма и так привыкли к этим пугающим и печальным звукам, что уже не замечают его, вспоминают только в сказаниях. Стебли древности, вырастающие в эти сказы, приносят в своих стручках знание, якобы множество жизней покровительниц рода назад Крикунья не кричала. Старухи говорят, что виной этому ветер, постоянно меняющий всё вокруг. Он-то и продул трубы в грудь её, чтобы звучать там песней обреченности. Поэтому, может быть, жизнь деревни, расположившейся под холмом, оказывается на поверку всегда дырявой и пустой.

Но люди продолжают жить у стоп Крикуньи как ни в чём не бывало. И мудрые старейшины, провидящие будущее, не увели своих сыновей и дочерей в другие места. Может быть, они увидели в его влажном тёмном зеве, что в горло-животе Крикуньи ветер прорубит музыкальный тоннель, где будут рождаться в звуках ручейки струящейся дружбы, равномерное цоканье труда, щемящий пух ласки, стремительная шершавость молодости и сердцебиение любви? Уже сейчас из пустоты её слышатся иногда звуки, похожие на касания губ и слияние тел.

2012

Виктор БУЛАНОВ

Змей Петров

Сегодня был обычный день. Иван Петров, как всегда, встал в шесть утра, позавтракал, оделся и отправился на работу. По дороге ему не попадались ни чёрные коты, ни старушки с пустыми вёдрами. Всё шло как обычно. Он поздоровался с охранником, пожал руки друзьям. А когда он вошёл в свой кабинет, телефон противно звякнул, и трубка не менее противным голосом вызвала его в кабинет к директору. Его ещё никогда не вызывали к управляющему. В приёмной он увидел обладателя противного голоса: рыжую молоденькую секретаршу, которая объявила, что управляющий его ждёт. Петров вошёл в кабинет.

– Здравствуйте, Иван Никифорович. У меня к вам особое поручение. К завтрашнему дню вы должны научиться летать. – Управляющий сказал это с таким видом, будто научиться летать – что выучить таблицу умножения.

– Простите? – непонимающе взглянул на него Петров.

– Вы что-то не поняли? Завтра вы должны летать, – улыбаясь, вновь повторил директор.

– Но я не умею.

– Вот и научитесь. Я знаю, первый раз тяжело, но зато потом... просто класс. Вы представьте себе, ПРИЛЕТАЕТЕ на работу. И никаких пробок, никаких аварий, никаких опозданий. А чтобы взлететь в первый раз, нужно сперва немного планировать. Видите гору за окном? Вот с неё вы завтра и начнёте свой первый полёт.

– Но я же не птица, а человек. Люди летать не могут, это каждому известно.

– Не рассуждать. Завтра – в летящем виде. Пошёл вон.

Расстроенный, Петров вышел из кабинета. В этот день у него всё валилось из рук. Ничего себе задание – летать! Люди не летают. Примерно в таком состоянии пришёл Иван Никифорович домой. Там уже все знали: напарник по работе позвонил домой, рассказал.

– Папа, рождённый ползать летать не может, – плаксивым голосом сказал четырёхлетний сын.

– Молчать! Без вас разберусь, – сказал Петров и закрылся в туалете. Как известно, туалет в России – место уединённого размышления.

Когда Петров вышел из своего домашнего кабинета, сразу же ушёл к своему хорошему другу и собутыльнику Петру Иванову. На ночь он домой не приходил. Никто не знает, о чём друзья говорили, но на следующий день помятый, невыспавшийся, но уверенный в себе Петров полз на гору. На горе его ждали управляющий фирмой и правительственная комиссия. Ну и ещё вся родня, пришедшая посмотреть на первый полёт Ивана Петрова (правда, они считали, что он же последний). Петров подошёл к обрыву и взглянул вниз. Потроха сжались в один маленький комок и не хотели приходить в исходное состояние. Петров оглянулся: позади всех в небольшом отдалении стояли два солдата с винтовками наперевес. Когда Иван ещё поднимался, они ему сказали: «Если сам не полетишь, мы поможем».

– Валя, не беспокойся, мне всё объяснили: я – птица, – сказал Петров и сиганул вниз. Послышалось вездесущее «ах».

А Иван Петров спокойно парил в небе. Пролетая сквозь облака, пикируя вниз, просто планируя, Петров улетел так далеко, что его стало не видно. Больше на земле его никто никогда не видел. Лишь иногда засекут радары какую-то точку, но вскоре она исчезает. Чаше видят его пилоты самолетов: вылетит Петров из облака, приветственно махнёт рукой пилоту и вновь умчится вдаль.

Сергей ЗАГНУХИН

Попаданец

Ах, Мари, Мари, всё твоё увлечение готичностью, и моё – тобой. Понесло же тебя ещё и магию изучать... епрсть... ритуалы просветления... яснознания... переноса... чтоб им... прости, это не к тебе. Ты чудо! До сих пор не пойму, чем я тебе приглянулся – замшелый гуманитарий не первой молодости? Умом и подвешенным языком? Тем, что рассказыки пописываю? Пейсатель хренов! Ты же такая молодая, красивая, умная, вся из себя загадочная, затянутая в свою чёрную кожу. И зачем я тоже уломался на куртку с волчьей мордой в перевёрнутой пентаграмме. Всё она – любовь.

Лучше бы ты какой-нибудь восточной ерундой заболела. Сидели б сейчас с тобой тихо-мирно, медитировали, о разных инь-янь-хрень беседовали, или тантрой занимались – милое дело.

Так нет же – магия, круг костров в темноте, взмах ножа, брызги крови, заговор... а-а-а... плющит... распирает... тьма... вспышка... и я в том же замке, только шут знает – когда! Долбанное средневековье. Господи! Счастье, что хоть тебя не закинуло... Подвернулся же этот тур по Европам, любой родной Мухосранск раем сейчас кажется.

Ну что они ещё могли подумать, увидев меня в джинсах, кроссовках и куртке с таки-и-ими мордами во всю грудь и спину. Что они могли сделать? Убежать или избить. Одни убежали, другие кинулись метелью... Ох, как кинулись... лучше бы сразу убили, чем оставлять этим братьям-изуверам на растерзание... Это действительно страшно, Мари!.. Я бы во всём признался ещё на дыбе... отрёкся бы от всего на свете... кроме тебя... только взглянув на эти обтянутые кожей скелеты в чёрных рясах, сидящие за столом, не говоря уж про близкое знакомство с другими палачами... садистами, гестаповцами – исполнителями... Вот по ком преисподняя плачет... Эти лошадиные морды... поджарые свинные рыла – с наслаждением... Но не буду, Мари, не буду – ведь ты же настоящая женщина, несмотря на всю твою крутость... Эти – виртуозы... без крови, не то что первая группа встречающих.

Но ведь невозможно было ни объяснить, ни признаться, ни отречься – непреодолимый языковой барьер, да какой барьер – великая китайская стена... Ни слова... Мой современный русский они, наверно, за адское наречие приняли, а я в их многоязычных попытках только несколько латинских слов и разобрал. Да чем это могло помочь, из всей латыни я только твоё любимое: «Homo homini lupus est» и помню, не стоило даже и заикаться.

А вот сомнений насчёт вердикта у меня не возникло, слово аутодафе я понял без переводчиков. И ждать, наверно, уже недолго. Хоть мучения кончились. Но вот ожидание...

«Сижу за решёткой, в темнице сырой...» Хотя не в сырой – и на том спасибо, накормить «добрые братья» тоже не забыли. Но мучительность самого ожидания... и неистребимость надежды, умирающей последней... Вот нашёлся обрывок какой-то кожи в углу, и пёрышко в соломенной подстилке отыскалось... а красных чернил, после первой бурной встречи с местным населением, достать не трудно, только подсохшую корочку поковырять. Пишу тебе, Мари, последнее прости, не то чтобы надеясь переслать, но, скорее, отвлекаясь от мрачных мыслей. Разве что какой добрый ангел отнесёт, да не верю я в крылатых доброхотов. А кусочек неба мне виден – синего-синего, и облака такие весёленькие, как обои в твоей спальне... почему раньше не любил на природу выезжать, вот сейчас бы... Но стоп, куда-то не в ту степь... А птичек и тут слышно... ворон в основном... слетелись – почуяв... вещи вы наши...

А надежда, пусть и призрачная, у меня есть, запомнил я всё-таки заговор ритуала возвращения – он не очень длинный и довольно ритмичный, огня будет с избытком, крови и без ножа добуду... Но... вот слышу шаги... наверно, за мной. Мари, зла не держу, люблю, на что-то надеюсь, а это послание зажму в руке – может хоть оно...

Этот обгоревший по краям обрывок кожи – единственная вещь, оставленная себе от прежней жизни молодой монахиней «Ордена милосердия» Матери Терезы.

Надежда КАЛАШНИКОВА

Жалоба волков

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве – слепые щенки,
Мы, волчата, – сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!
В. Высоцкий. «Охота на волков»

Она большая, мохнатая, затравленная. Мы пьём её молоко – и чувствуем, как в нас вливается страх. Бессознательный, безотчётный. Безосновательный, быть может. Но нам не дано это понять. Страх проник в нашу кровь и лимфу, стал плотью, стал частью нас, стал нами. Его нельзя из нас вырвать, убрать – потому что тогда мы умрём. Мы привыкли к нему, срослись с ним, мы не можем без него.

Запрет для нас – это святое. Кто его нарушает – святотатец. Нельзя – и всё. Нам этого достаточно. Почему, кто придумал, разумно ли, честно ли, нужно ли – такие мысли не приходят нам в головы. Они просто не могут прийти. Исключено. Если страх – наш бог, то запрет – его наместник на земле. Наш кумир. Мы поклоняемся ему, пляшем вокруг с криком и воплями, как некогда язычники, и приносим ему жертвы: себя, свои возможности, детей, любовь, счастье... Жизнь наша остаётся у нас, наша серая тухлая жизнь. Жизнёнка. Зачем нас убивать? Ведь тогда неоткуда будет взять рабов...

Прошло то время, когда на нас устраивали облавы, и егеря смеялись, глядя, как тяжело ходят бока у загнанного зверя, а собачий лай терзал окрестности на много миль вокруг. Теперь иная тактика. Флажки уже не красные, а синие. Но что с того? Всё равно флажки. Ими огородили часть леса, и мы там живём. А охотники превратились в типичных надзирателей. Им так тоже удобнее. Не надо тратить нервы и силы на утомительную и не всегда удачную охоту. В любое время можно прийти и отобрать нужное количество дичи. Спокойно, легко и просто. И мы уступаем – без боя, без малейшего взрыкивания. Мы признали над собой хозяев.

Мы рабы. Нас так не называют, это грубо звучит. Но кой-какие мозги у нас всё же имеются, чтобы понимать это. С раба нет спроса. За всё в ответе хозяин. Он же, кстати, обеспечивает пусть мелкий и паршивый, но стабильный паёк. И в нас притупляются инстинкты,

глохнет чутьё, дряхлеют мышцы, слабеют глаза... Зачем нам всё это? Зачем, если можно – на халяву?

Мы вырождаемся. Это заметно по нашим детям. Они слабенькие, чахлые, как былиночки. Они третье, четвертое... мы сбились со счёту какое поколение, с рождения вбирающее в себя нехитрую рабскую премудрость. С молоком матери её всасывающее. Это уже не волчата, а ягнята: их гонят на бойню, они боятся, упираются, отчаянно мекают, но тупо идут куда велено... Наши разве что не мекают. Но это дело недалёкого будущего. Объявится в биологии новый вид – волк-баран блеющий...

Смешно? Если бы. Мы разучились смеяться. И скалиться тоже. Мы вообще отвыкли клыки обнажать, кроме как чтоб вонзить их в перезрелое мясо, от щедрот хозяйских перепадающее. Мы себя не узнаём... Да нам не с чем сравнивать – мы забыли, что было с нами раньше. У нас атрофировалась память за ненадобностью. Зачем память рабам?

Лишь иногда мелькнут обрывки смутных то ли воспоминаний, то ли (чур меня!) фантазий... Но они мигом улетучиваются, не находя применения, не встречая опоры. Они не нужны нам. Мы стали существами иного порядка. И нам его не изменить. Это выше наших сил. Хуже – наших желаний. Мы не хотим ничего менять. Нам хорошо здесь – в страхе, в мерзких условиях, на маленьком огороженном пятачке. Нам хорошо. Мы не хотим менять хоть что-нибудь.

Анастасия РУССКИХ

Случай с феей

Одна фея летела куда-то по своим делам (а может, просто так прогуливалась), увидела играющих детей, умилилась и, опустившись на землю, сказала:

– Милые крошки! Вы так мне понравились, что я решила исполнить вам по одному желанию.

Надо сказать, это свойственно феям – умиляться детьми, потому что у них не бывает собственных.

Дети стали наперебой просить – кто нарядное платьице, кто куклу, кто игрушечное оружие, кто большущий сладкий пряник. Одна девочка попросила, чтобы у неё исчезло некрасивое родимое пятно с личика, а один мальчик – чтобы его родители разбогатели. Это был очень умный мальчик: он понимал, что сам пока разбогатеть не может.

И пока сыпались эти просьбы, хорошенькая толстенькая девочка в пепельно-сером платье стояла в сторонке, надувала щёчки и думала. Фея заметила это и спросила:

– А ты почему же молчишь?

Тогда девочка подошла поближе и сказала остальным детям:

– Ну, не дураки ли вы все после этого? Исполнится у вас единственное желание, а как же другие?

Потом она повернулась к фее и заявила:

– Я хочу твою волшебную палочку!

– Палочку!!! - вздохнули дети.

– Ну да, – подтвердила девочка. – Это же ведь одно же всего желание, а зато я потом себе исполню сама – столько, сколько захочу.

– Палочку? – растерялась фея. – А как же я?!

– А ты себе ещё наколдуешь, – разрешила девочка в сером платье. – Ты же фея!

– Но послушай, милая крошка: как же я наколдую себе новую палочку, если у меня не будет этой?

– Вот дурацкая фея! – рассердилась толстенная девочка и топнула ножкой. – Всё ей надо растолковывать... Наколдуй тогда новую мне, а себе оставь старую.

Фея попробовала сделать так, но из этого ничего не получилось. От огорчения у неё даже поблели крылышки, и кисточка на колпачке опустилась, словно увядшая астра.

– Видно, на то, чтобы сделать новую палочку, у меня не хватает волшебства, – сказала она.

– Ничего не знаю! – вскричала упрямая девочка. – Ты обещала!

Тогда фея отдала ей свою волшебную палочку, поднялась в воздух и улетела в свой заоблачный дворец, сотканный из лучших цветочных ароматов и солнечных зайчиков, и поклялась не выходить оттуда более никогда, потому что мир решительно испортился и дети пошли не те.

Эта фея вообще мало знала о жизни.

А толстенная девочка наколдowała себе кучу нарядных платьиц, кучу сладких пряников и кучу красивых кукол. Тогда дети стали просить, чтобы она пожелала что-нибудь и для них, а она отвечала:

– А, дураки! Надо было раньше соображать. Вот – сидите теперь с носом.

Мальчик, который был очень умный, попробовал её убедить, что от неё не убудет, но девочка не хотела этого слушать. Впрочем, она так много всего нажелала, что не могла за всем уследить, и кое-что у неё утащили.

Тогда она стала загадывать, чтобы прохожие поскальзывались и падали в лужу, и оскандалила таким образом старого джентльмена, шедшего на учёный совет, симпатичную девушку, спешившую на свидание, и подвыпившего малого, бредшего домой и отметившегося до того уже в двух лужах, – но всё-таки это тоже было нехорошо.

Потом она придумала остановить башенные часы, с которыми не случалось неисправностей уже лет сто, отчего часовые служители

впали в большую панику, стали суетиться, кричать и бегать из башни и в башню; один случайно наступил на хвост кошке, кошка заорала и бросилась куда глаза глядят, попала под ноги лошади, впряжённой в телегу; лошадь испугалась, телега перевернулась, а кошка кинулась на дерево, но от необычайного волнения сорвалась и упала в окно, прямо на колени дремавшей старушке; а старушка, проснувшись в такой внезапности и шуме, решила, что это наступил конец света, свалилась с кресла и расшибла себе нос. Девочка очень смеялась и приговаривала:

– Ну дают! Во дураки! Ха-ха-ха!

Потом часы починили, телегу подняли, старушка разобралась, в чём было дело, почесала нос и налила кошке молока. И девочке стало скучно.

Тогда она пошла домой и принялась там превращать всякие вещи в звериные чучела, так что когда её мама заметила это безобразие, в доме почти не осталось на чём сидеть и из чего есть, а повсюду только стояли набитые соломой и ветошью львы, медведи и росوماхи. А из тарелок получились суслики.

Ясное дело, мама пришла в ужас и закричала:

– Немедленно дай сюда эту гадость! Какой это ещё тут умник раздаёт неразумным детям такие опасные игрушки?! Надрать бы ему уши!

И спрятала волшебную палочку в вазу, которая стояла так высоко, что её нельзя было достать.

Наутро в вазе выросли цветы, а палочка исчезла.

Надо признать, некоторые вещи мамы понимают лучше, чем феи.

Дарья РЫЖКОВА

К Дракону!

– Приехали, Бледная Немочь... э-э-э... то есть Ваше Высочество!

Лакей проворно отворил дверь кареты и вытянулся по стойке смирно.

Сначала показалась бледная тонкая рука. Она легла на ручку дверцы, послышался обречённый вздох, и показалась нога. Она была обута в высокий лакированный сапог и затянута в узкую кожаную штанину. А уж после под ненавистный солнечный свет из полумрака золочёной дорогой кареты появилось мертвенно-бледное лицо с кокетливо подведёнными глазами. Принц поморщился и сделал вид, что не услышал оговорки слуги.

– Куда ты меня привёз? – недовольно спросил он кучера, выходя из кареты и отряхивая несуществующую пыль с чёрного бархатного камзола, расшитого серебром.

– Куда велено... – растерялся кучер. – К дракону!

Принц недоумённо оглянулся вокруг. А посмотреть было на что! На севере красовались заснеженные горы, спускаясь в тёмно-изумрудные леса. С каменных уступов, сверкая на солнце, срывался водопад и голубой лентой реки пересекал долину. Заливные луга поражали яркими пятнами цветов и бабочек. Табун тонконогих лошадей с огромным чёрным жеребцом во главе неторопливо щипал весеннюю траву. И посреди всего этого великолепия возвышался белоснежный замок, на шпилях которого трепетали алые стяги с серебряными драконами.

– Значит, здесь живёт чудовище?

– Угу. Ну, мы, это, за поворотом Вас подождём, – пробурчал кучер и, не дожидаясь ответа, подхлестнул лошадей. Принц оскорблённо передёрнул тощими плечами, поправил свой вычурный плащ, прижал к груди любимое руководство по чёрной магии и уверенной пошатывающейся походкой направился к замку. На полпути его заставил сжаться в угловатый комочек громовой рык, но бледный спаситель несчастной заточённой принцессы справился с минутной слабостью, подсушил штаны щелчком пальцев и продолжил путь.

У огромных обитых железом ворот Его Высочество принялось разрабатывать план действий. Попробовав пару страшных заклинаний и со злости плюнув на невозмутимые ворота, он не придумал ничего лучше, как постучать. Сначала было тихо. На вскоре заскрипел засов, и в воротах открылась небольшая дверь.

– Вы что-нибудь хотели? – мило улыбнувшись принцу, спросила румяная рыжая девица с огромными зелёными глазами, одетая в простой льняной сарафан с вышивкой.

– Д... Дракона бы мне... – заикаясь, произнёс герой.

– А-а-а. Я-то уж подумала опять за принцессой! Ты проходи, проходи, не стесняйся.

Его Высочество тенью просочилось в дверь и последовало за девушкой.

– А принцесса где? – осторожно поинтересовался он.

Девушка остановилась и подозрительно усмехнулась:

– Ты бы уже определился: принцессу тебе или дракона.

– Хотелось бы обоих...

– Странные у тебя фантазии... Принцесса Мелитара третья, – девушка протянула принцу руку.

– Здравьте, – приуныло Высочество. – Веи... Веинор... первый...

– Очень приятно! Да ты не бойсь, не обидим! – Мелитара хлопнула спасителя по плечу и тот слегка осел. – Чаю хочешь?

– Мне бы дракона...

– Да будет тебе дракон! Заладил, блин. Я сегодня пирогов напекла...

– Спасибо, я на диете...

– Ясно. Ну, тогда ладно. Пойдем, знакомить буду.

Принцесса провела гостя во внутренний двор замка и подтолкнула вперёд. Возле чудесного фонтана лежал багрово-серебряный дракон, лениво следивший за приближением Веинора. Рядом валялась чья-то одежда. «Уже сожрал кого-то, мерзкое чудовище», – подумал принц, начиная выплетать заклинание.

– Учти, на нас магия не действует, – зевнул дракон и потянулся. – На весь замок тоже. Так что не знаю, как ты собрался меня убивать.

Принц растерялся и минуту-другую переваривал информацию. Подумав, он выхватил шпагу и сделал шаг в сторону ящера.

– С ума сошел?! – воскликнул дракон. – Зарежешься же!

– Я в совершенстве владею оружием! – крикнул в ответ Велинор и замахнулся. Но в этот момент дракон чихнул.

Кое-как поднимаясь с земли, герой заметил, что принцесса покатывается со смеху, и слегка обиделся.

– Ну, зачем она тебе нужна, – обратился к Высочеству дракон, указав на принцессу. – Вредная, капризная, ехидная... Ты подумай как следует...

– Я не могу отступить!

– Как хочешь, – вздохнул дракон и снова неудачно чихнул. Принца швырнуло об стену и слегка опалило.

– Всё, не жилец, – констатировала принцесса, переплетая косу.

– Оклемается, – успокоил дракон, оборачиваясь плечистым высоким блондином.

– Пойду, к карете его оттащу, надеюсь, они недалеко уехали, – сообщила принцесса неторопливо шнурующему сапоги возлюбленному. И получив утвердительный кивок, добавила:

– А ты пока сходи, помой посуду.

Виктория ТРЕГУБОВА

Ворохи

Иногда, когда весь горизонт неудержимо тянуло клубиться и рваться на слепяще-жемчужные и розовые облака, улетаая в неизмеримо далёкой голубой тверди выше всклокоченных деревянных голов внизу, именно в такую погоду просыпались гулкие Ворохи и Ворошеи. В основном они спали в буреломках, среди искроченно-сплетённых животных и растений, либо выкорчеванных уже из земли, либо так уж исковерканных, что иногда и не узнать, кто перед тобой скрючился и

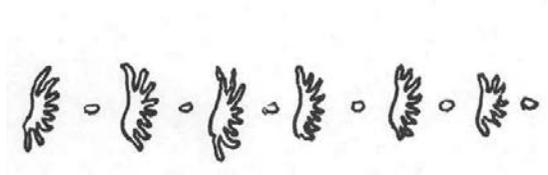
извился в такой вот идол. Но Ворохи как раз таки не вились тонко, так как сами были подобны здоровенному стогу сена и веток. Хотя никто, в сущности, не мог сказать, что они являлись чем-то большим, чем просто паводковым наносом мелких конечностей других живых существ, нашедших друг друга по какой-то немислимой балаганщине судьбы и слитых воедино.

Итак, когда выл и хлопал ветер, и гнал нескончаемо водяные стада в вышине, Ворохи начинали шевелиться. В их странной глубине отражались ответные воздуху вздохи. Затем они стряхивали с себя нападавшие за год шишки, выпрямлялись в исполинский рост и шли искать дома людей. Издали завидев свет в окне, они останавливались и долго глядели на него мутными, кто знает, зрячими ли глазами, время от времени тяжело и гулко вздыхая. Хотя никто не осмелился бы сказать, на самом ли деле Ворох вздыхает, или у него просто во внутренних стекает какая-нибудь позапрошлогодня вода, или очнувшаяся от сна лягушка ищет выход из хитросплетения его пустот. Языка человеческого Ворохи не ведали. Простояв день и ночь, они поворачивались одинокими широкими плечами, тяжело переступали своими по-птичьи разделёнными лапами, и шли в лес. Теперь у Ворохов с Ворошеями начинались хороводные узорья.

Ворошея отличалась от Вороха тем, что, помимо хаотического нагромождения веток и трав, в неё были вплетены ленты девушек, расшитые человеческими богами-оленьями, пояса и ещё такое, что нельзя было бы описать: узоры, чтящие неизвестное. Возможно, это были знаки их богов, а может быть, Ворошеи сами были чем-то вроде богов у Ворохов. Во всяком случае, иногда можно было набрести на спящего в буреломе Вороха, а вот Ворошею никто никогда не видел, кроме как в хороводные дни.

Итак, собирались Ворохи и Ворошеи на двух берегах реки в таком месте, где возвышался большой камень посреди реки. Вокруг него становились, заводя такую трель многоголосую, что, заслышав её, душа человеческая то сжималась до крохотной тростинки, то как будто сыпалась золотыми крупными зёрнами – слезами из груди на землю чернохлебную. Вот какова была эта песня чудесная. И начинали они плести меж собой кружево невиданное, пуская от себя травиночки и веточки. И так окрашивался след их в воздухе, что долго ещё блестел в лучах заходящего Светоча да, колыхаясь, оставлял-городил вокруг себя ещё узоры невиданные. И сияние это стелилось над рекою, и всякая живность речная тогда выходила на поверхность воды и стояла так весь вечер, как окатанная негой, не помышляя схватить кого-либо и умчать на пожирание. А потом вся чужь водяная засыпала, и всю её смывало далеко вниз, где, как

говорило сказание, находили она себе совершенно новую жизнь, намного лучше старой. И в потоках после этого становилось спокойно ещё на полгода, пока новая живность, что росла из ила да кустов приречных, не размножится. Только человек не находил себе пользы от хороводов Ворошей. И мигали его тёмные дома маленькими жадными огоньками в окнах, и переворачивалась жизнь его по старому крену перемен.

2013

Сергей ЗАГНУХИН

Смерть ведьмы

Потрёпанный газик, непочтительно именуемый в народе «козлом», лихо подкатил к правлению. Кряжистый водитель решительно подогнал к выкатившемуся на крыльцо колобком председателю стайку заробевших девушек в новеньких штормовках:

– Михалыч, принимай практиканток.

– Добро пожаловать, – колхозный голова, смахнул с лысой головы видавшую виды кепку. – Только просветите меня, какая у вас тут практика намечается, по телефону, етит-его-мать, ни черта не разобрал: трещит как в грозу; школа-то у нас на каникулах, пионерлагерей нет, ребятишки самостийно по лесам-лугам скачут – и захочешь, не соберёшь?

Вперёд решительно выдвинулась миловидная брюнетка, одной рукой поправляя аккуратную, под Мерей Матье, стрижку, а другой, пытаясь достать из командирской планшетки официального вида бумагу.

– Мы из «Русской сказки» – этно-секции нашего пединститута. Деканат утвердил план экспедиции по сбору фольклора в вашем районе.

– Вот оно как, – колобок-председатель, озадаченно почесал затылок, заодно закинув кепку обратно на тыковку головы. – И куда же вас разместить?

– А к бабке Федосье, – ухмыляясь чему-то, пробасил водитель.

– Это к ведьме-то, а она разве ещё не товокнулась?

– К ведьме?! – вырвалось у главной практикантки.

– Да, вроде скрипит ещё, – и обернувшись к заробевшим студенткам: – Ну, разное болтают: навроде, змей огненный к ней в трубу летает, знахарит-ворожит втихаря, травами балуется.

В разговор вмешался вышедший вслед за председателем очкастый старичок бухгалтер:

– Брось глупости молоть, Богдан, травами, да – пользует, грыжу горшком правит, голову после сотрясения решетом лечит – это народная медицина. А про змеев в наш просвещённый XX век уж и болтать стыдно. Скажи ещё, что снежный человек к ней на двор шастает и тарелки на огород садятся.

– Ну, затрещал арифмометр: я же говорю – болтают, а всамделе, может, ей шаровая молния когда в трубу шархнула.

Девушки между тем успели перешепнуться накоротке, и атаманша, решительно прихлопнув планшетку к тугому задку, обтянутому хебешными штанами, коротко бросила:

– Мы согласны к знахарке.

– Ну, вот и ладушки. Богдан, вези к китайцам, потом за продуктами на склад сгоняешь и меня подхватишь – загляну узнать что там и как, заодно с соседями пошебаршу насчёт молочка, яицек и прочих овощей.

По дороге, одна из троицы, самая неприметная «серая мышка» робко поинтересовалась, почему к китайцам.

– А бес его знает, тот конец издавна так кличут.

У неряшливого домика на краю села толпилась небольшая кучка колхозниц.

– Что-то стряслось с нашей ведьмой, – озабоченно пробасил Богдан и, выбравшись из своего «газика», зычно поинтересовался у односельчанок: – По какому случаю митинг?

– Да колдовка, вроде, отходит – откликнулась самая разговорчивая.

– Дак чего ж вы тут трётесь, может, помочь чем нужно?

– Ищи бедовых, ей своё колдунство передать надо – как раз и всучит.

– Дуры-бабы, – бросил водитель, решительно направляясь к хате.

За ним, не задумываясь, проскользнула «серая мышка», две другие практикантки нерешительно замялись у порога.

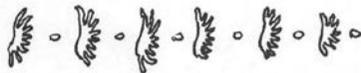
В полумраке комнаты, на кровати под стареньким покрывалом скорее угадывался силуэт сухонькой старушки, да на чёрной подушке виднелись разметававшиеся седые космы.

Услыхав вошедших, Федосья чуть приподняла бледную руку и еле слышно прошептала:

– Пить.

Поискав взглядом, «мышка» зачерпнула со дна ведра воды и протянула умирающей. Сухая лапка колдуньи неожиданно крепко обхватила кисть студентки поверх стакана, и окрепший голос зловеще проскрипел:

– Владей!

2014

Сергей ЗАГНУХИН

Поехали

Дорогие телезрители, вы смотрите экстренный выпуск новостей. Все центральные каналы Российской Федерации прервали свои обычные программы: буквально через несколько минут человечество сделает первый шаг в межзвёздное пространство!

И этот исторический шаг будет совершён молодым русским парнем – Сидоровым Иваном, которого язык ещё не поворачивается назвать по отчеству Петровичем. Да! Россия выиграла эту мирную звёздную гонку, и в этом наша общая заслуга, особенно же учёных, открывших способ прорыва в подпространство. В случае успеха этого полёта планета земного типа в системе звезды Бета Гончих Псов станет российской.

И вот первый межзвёздный корабль «Апостол Андрей» миновав лунную орбиту, набрал скорость, достаточную для прыжка в подпространство.

Всмотритесь в это мужественное лицо, решительную складку между бровей, ясные голубые глаза, ведь, в силу непреложных законов физики, мало кто из ныне живущих их увидит.

Да, да – Иван вернётся только чуть постаревшим, а на Земле, между тем, пройдёт, ни много ни мало, восемьдесят лет.

Пошли последние секунды, камеры показывают нам палец космонавта на кнопке ПДП двигателей, сейчас мы услышим последние слова нашего героя:

«Да, да: поехали! Но ещё хочу добавить то, что давно хотел – послание нашему президенту, премьеру, правительству и Думе: Пошли вы все...»

2016

Наталья ЖИЛЯНИНА

Монолог Музы

Так... И что тут у нас... Очередной потенциальный случай графоманства... И зачем только им помогать... Ведь ежу понятно... или непонятно?.. Надо поискать ежа и спросить, понятно ему или нет... Но мне-то с моим опытом понятно, что ни Пушкина, ни Чехова из этого убожества не выйдет... Не были они такими в её годы... Вот не были – и всё тут... А может, были?.. Ладно, приглядеться к этому «юному дарованию» придётся... Приказ сверху есть приказ...

Дарование женского пола да ещё с филологическим образованием. Случай клинически очень тяжёлый. И куда они там наверху смотрели, когда меня сюда отправляли?.. Ничего не понимаю. Ну, во-первых, эта дама ни за что не станет меня слушать, у неё же высшее образование и всё такое... Во-вторых, к бумажной работе эти люди привыкли настолько, что могут пачкать бумагу всю ночь, не переставая, независимо от результата. И надеяться, что желание писательствовать пройдёт с первым отрицательным отзывом из редакции, увы, бесполезно. Ну, а в третьих, женщина-писатель – это ещё хуже, чем женщина-ученый... Ну куда же ты? Стой!.. Я же пошутила.. Нет... Ну вот... Как я и говорила... сожгла оладушки, сидя за своим компьютером.. Вот чем теперь будут ужинать твои бедные голодные муж и сын? Ты подумала? Да я не голос разума, чтобы от меня отмахиваться, я, между прочим, в некотором роде твоя муза... Может, передумаешь штурмовать литературный олимп? Ну правда, всем же легче будет... Да знаю, знаю, что не передумаешь, вон как глазки загорелись... Пишет там себе что-то, пишет.

«Душным июльским вечером я стояла на самой верхней площадке своего фамильного замка и мечтала о тех днях, когда рядом со мной будет тот, кого так долго ждала душа, о ком так страстно мечтало сердце и кто навеки прогонит мою тоску и боль...»

Мда... Заставь женщину писать, и первое слово, которое она нацарапает, будет о возлюбленном, причём такие мелочи, как возраст начинающей писательницы, а также наличие и качество этого самого возлюбленного, не имеют абсолютно никакого значения...

А теперь, моя радость, стирай всё это немедленно и начинай сначала... С чего это ты взяла, что быть тебе знатной дамой, а не

горничной в этом замке? Много ты читала романов о горничных? Ни одного? А о знатных дамах? В том-то и дело, что в лучшем случае знатные дамы переодеваются горничными, чтобы повеселить окружающих... так что не занимайся плагиатом, а придумай свою героиню. Далее... Почему ты решила, что можешь написать одно предложение на полстраницы, как Лев Толстой, и это захочется прочитать ещё кому-то, кроме тебя? Конечно, не спорю, он классик и, в некотором роде, мой бывший подопечный, но... было это всё в прошлом веке, а в нынешнем и его «Войну и мир» читают лишь избранные ценители и несчастные девятиклассники.

Фуу... Стёрла наконец-то... Дошло, что нужно забыть свои мечты пятнадцатилетней давности и подумать о том, что она хочет сказать миру, чтобы это осталось в веках... Что это из меня такой пафос лезет сегодня? А-а... конечно... это всё тот поэт... Вынь ему и положи стихи ко дню города, а у меня ведь тоже нервы!.. Так... Моё дарование снова что-то стучит на клавиатуре.

«Ветер пел свою странную песню в одну из душных июльских ночей, ветви деревьев трещали под его порывами. Гроза разбушевалась. Одинокая фигурка девушки стояла перед воротами старинного замка. Бедняжка так промокла и замёрзла, что несколько минут не могла произнести ни слова, когда на стук вышел привратник...»

Фрр... Девочка, ты сказки читала, когда была маленькой? Например, «Принцессу на горошине»? Ну, до чего народ пошёл неоригинальный... Вспомнить Джойса, так его безумные идеи могли затопить весь мир, если бы я не отговорила его от некоторых... Да... Постмодернизм возрождается...

Ну что ты ещё там пишешь? Вот пишут, пишут что-то всё, лишь бы написать... Хотя... вот это последнее оставим... Будет начало нового гениального романа... А я сказала гениального, и хватит думать, что ничего не умеешь и никто тебя не любит... Полюбят... не сумеют – научим, не захотят – заставим... Что уж я, зверь какой-то, не сделаю из человека писателя, если он так этого хочет?..

2017

Юрий КОКШАРОВ

Любит, не любит...

Сидел треть века на печи
Не чуя ног, не видя звёзд,
И так тоскливо, хоть кричи,
И снится по ночам погост...

Родители с утра ушли в поле, поставив рядом со спящим Ильёй краюху чёрного хлеба и крынку молока. Утром соседская кошка Чумка разодрала бычий пузырь на окне, проникла в избу и то ли из вредности, то ли по глупости опрокинула крынку с молоком, разбудив Илью.

– Чтоб тебя крысы съели! – пожелал Чумке Илья.

Не обращая на него особого внимания, Чумка стала слизывать молоко с пола.

Он с грустью посмотрел на хлеб – без молока не то. Родители вернутся к вечеру. Над ним на потолке паук плёл паутину. К полудню в избе стало тепло, даже жарко. В единственное окно нещадно палило солнце. Илье очень хотелось пить, но встать он не мог, даже сесть не пытался.

– Пить! – жалобным голосом произнёс Илья.

В избу вошли три старца. Один слепой, один глухой и третий немой с рождения.

– Пить! – прохрипел Илья, глядя на гостей.

– Мы тоже хотим пить, не утолишь ли нашу жажду, добрый молодец? – сказал слепой.

– Я бы рад, да не знаю как! – ответил добрый молодец.

Старцы подошли к печи. Немой слегка стукнул посохом Илью по ноге.

– Эй, ты чего? – удивился Илья.

Глухой ткнул парня посохом в плечо, а слепой стукнул по голове.

– Вы что, белены объелись? – сказал Илья, отмахиваясь от них.

– Да мы с утра маковой росинки на троих не пригубили! – показал ему знаками немой.

Слепой ткнул Илью в живот.

– Ой! – крикнул Илья, садясь на печь, – ну теперь держитесь! – и он прыгнул на старцев, которые, несмотря на возраст, ловко отпрянули в сторону от летящего на них Ильи.

Бум! Илья упал на живот. Старцы помогли ему встать на ноги.

– Я стою! – воскликнул удивлённый Илья. – Надо было мне раньше попробовать!

– Не благодари, – сказал слепой, – принеси нам лучше квасу или мёду.

Илья первый раз покинул пределы избы. Трава, деревья, цветы, птицы. По двору бегали куры. Илья подошёл к колодцу, в открытую дверь он часто видел, как из него отец набирал воду.

Возле соседней хаты, на лавочке, сидела девушка, на коленях у неё примостилась Чумка.

– Вот, сказала ведьма, когда лежачий явит свету свою силу, тогда наступит твой черёд замуж идти! – рассказывала девушка Чумке.

– Мур, – мурлыкнула кошка.

– Все мы из Мурома, – грустно сказала девушка, нагнулась и сорвала растущую рядом ромашку.

Илья зачерпнул ведром воду из колодца, отпил добрую половину и утёр рот рукавом.

– Любит, не любит, любит, не любит, – услышал он неподалёку нежный голос.

Илья завернул за угол своей избы и увидел девушку, обрывающую лепестки ромашки, и насторожившуюся кошку. До сих пор он не видел девушек, а с Чумкой уже успел познакомиться. Первая увиденная девушка показалась ему прекрасной и как магнитом потянула к себе. Увидев приближающегося Илью, Чумка, вспомнив утреннюю встречу, решила не искушать судьбу и спрыгнула с колен мечтающей девушки.

– Ты куда? – окликнула её девушка.

– Да пусть её... – усмехнулся приближающийся Илья.

Девушка обернулась, глаза её расширились и показались Илье ещё прекрасней.

– Лежачий! – крикнула она и бросилась бежать.

Илья подобрал ромашку и попробовал завершить гадание, но вместо одного лепестка его неумелые пальцы отрывали два-три. Он посмотрел вслед убегающей девушке: она уже достигла середины поляны и, запыхавшись, перешла на шаг. Илья отбросил в сторону ромашку и, ускоряя шаг, направился за понравившейся девушкой. Бежать было непривычно, но приятно. Ещё чуть-чуть – и он её нагонит. Услышав сзади громкое сопение, девушка обернулась и с криком: «Ой, мамочки!», бросилась к дубраве, до которой оставалась менее ста шагов.

– Подожди! – крикнул Илья, запинаясь о кочку и падая второй раз за день.

Этот крик подстегнул бедную девушку, и, почувствовав прилив сил, она с проворством кошки влезла на дуб и затаилась в ветвях. Илья, прихрамывая, вошёл в дубраву.

– Эй, где ты? – крикнул он. – Не бойся, я тебя не обижу!

Девушка немного успокоилась и чихнула в знак подтверждения.

– Любит! – услышала она и увидела, как один из дубов медленно оторвался от земли, на мгновение застыл в воздухе и с шумом упал на землю.

– Не любит! – через пару минут второй дуб совершил тот же маневр.

– Любит! – раздалось снизу. Её глаза вновь расширились, когда её дуб медленно стал подниматься в воздух; она громко чихнула, падая в крепкие объятия Ильи.

Наталья КОЛЕСОВА

Моя жена – чужая

Утро всегда начинается одинаково.

Хлопанье дверей, шум воды в ванной, шлёпанье босых ног; невнятные ругательства, сопровождающие неожиданно возникающие на пути утром углы и косяки. Алиса приближается ко мне точно маленький квартирный тайфун. Но я-то уже наготове! После вовремя подsunутых свежесваренного кофе и эклера жена потихоньку выходит из предутреннего сумеречного состояния и принимает человеческий облик. Ну... относительно.

Человеческий.

Даже начинает разговаривать. Пока в телеграфном стиле.

– Спалось? – интересуется она.

– Спалось, – соглашаюсь я, подливая кофе.

– А я?

– И ты. Спала... Иногда.

Информация, выдаваемая в столь малых дозах, усваивается утром ею гораздо легче. И уж явно сейчас не стоит рассказывать, как сны, увиденные моей женой, обладающей безграничной фантазией, отразились и на её ночном облике. Нет, я вовсе не возражаю против прекрасной феи, стыдливо прикрывающейся прозрачными крыльями – нашего захватывающего дух полёта я не забуду никогда. Ну вот сыплющая искрами зеленоватая чешуйчатая особь... эээ, особа! Конечно, огнетушитель всегда под рукой, то есть под кроватью, аптечка в прикроватной тумбочке, и вообще, главное – успеть вовремя её разбудить... И я успеваю.

Пока.

Алиса всё-таки что-то понимает. Морщится. Ворчит:

– Полнолуние...

– Оно, – охотно соглашаюсь я. Я же говорю, что по утрам благоразумно стараюсь с ней не спорить. И не рискну напомнить, что

и другие ночи мало чем отличаются от нынешней. Позже, где-то ближе к вечеру, я расскажу, и мы вместе посмеемся. А может, ей приглянется образ феи, как понравился мне?

К сожалению, Алиса не любит повторяться. Плагиатить саму себя, как она говорит. Хотя почему – к сожалению? Змея, обвиняемая в полночь вокруг моего торса, конечно, очень символична, эротична и прекрасна – на картинах Вальехо – но в собственной постели производит... неизгладимое впечатление. «Неизгладимое», как дразнит теперь Алиса.

– Алисочка, ты ничего не забыла? – спрашиваю я, когда жена слезает с кухонного диванчика.

– Спасибо! – автоматически отзывается она.

– И это тоже. А ещё... – я показываю вниз. В распахнувшемся халатике видны её белые стройные ножки, ниже лодыжек заканчивающиеся лохматыми звериными лапками с внушительными когтями. Жена смотрит вниз, ставит ногу на пятку и говорит задумчиво:

– Педикюр давно не делала...

И, цокая когтями по паркету, мягкой кошачьей походкой удаляется из кухни. Так как её длинный пятнистый пушистый хвост подёргивается всё-таки нервно, я благоразумно не напоминаю и о нём.

Знаю, что не пройдёт и часу (да, такой я оптимист!), как моя жена выпорхнет из спальни, накрашенная, благоухающая, в чём-то упомрачительно обтягивающем. Волшебная, как ночная фея, гибкая, как кошка, ядовитая, как змея, опасная и непостижимая, точно существо из ужасиков. Совершенно непонятная, просто существо из других измерений – космических, мистических?

Любимая.

Моя.

Подойдёт, поцелует.

Прижмётся.

Попрощается до вечера.

Перед тем, как захлопнется дверь, услышу, как соседка напротив скажет ей очередную утреннюю гадость.

Моя Алисочка очень терпеливая.

Но однажды всё-таки откусит ей голову.

И поделом.

Анастасия РУССКИХ

Игроки (королевство тричетвёртое)

Сюда мы заглянем совсем ненадолго. Мы только чуть приотдвинем портьеру, легко колышущуюся под наплывами тёплого

вечернего ветра, и посмотрим украдкой в комнату, где Дракон и Принцесса, сидя за столом, играют в роскошные резные шахматы и ведут приятную беседу, понимающе улыбаясь друг другу...

– Ну, – говорит Дракон, закусывая ухмылку. – Каков я был сегодня, дорогая?

– Ты был совершенно великолепен, – отвечает Принцесса. – Этот молокосос так и полетел вверх тормашками со своего дурацкого коня!.. Тебе шах, моя ящерка.

– Хм, хм... Закрылся ферзём, моя девочка... Но ты что-то давно у меня не резвилась, правда?

– О... Я приберегаю кое-что для того Принца, который всё шарится в зарослях и высматривает окольные подходы.

– Ты его заметила?

– Конечно! Трус. Не хочет сражаться. Хочет увезти меня тайком. Фу. Как это мелко.

– Отвратительно. Ты уже что-нибудь предприняла?

– Разумеется. На днях я не затворила штор, принимая ванну.

– Озорница...

– М-м.

– Съел бы тебя. Проказница. Вскрытый шах.

– Ты жертвуешь слона?

– Офицера.

– Это слон. По-грамотному – это слон.

– Тем не менее, я жертвую офицера. Тебе, моё золотко. Развлекайся. Ведь этот затейник, кажется, имеет военное образование?

– Душка! Какой ты юморной, просто душка, маленький варанчик... Так вот. Завтра он попытается забраться ко мне в окно...

– Ах, мерзавец.

– Притаись за изгородью и подсматривай. Я подстроила так, что в решающий момент петля захлестнёт его ногу, поднимет и подвесит на высоте пятого этажа. Представляешь, как он будет вопить?

Дракон закатывается хохотом, пытаясь сквозь смех произнести: «А я подойду...»

– Подойди, – заливаясь нежным колокольчиком, вторит Принцесса.

– И скажи: «У!»

– Ага! И ещё я качну его когтем.

– Осторожно.

– Ладно. Осторожно. Тебе мат, моё яблочко.

– Опять!

– Да.

– Как ты умён, мой кожаный поясок... А помнишь того умника, который заявился сюда с мечом и огнетушителем?

– О! Как же забыть! Технический прогресс, ёлы-палы... Расставляй заново, моя птичка.

– Ну уж нет. Не моя очередь.

– Твоя. Позволь напомнить, твоя.

– Ну и всё равно. Ты выиграл. Расставляй сам за это.

– Что ты сделала с его конём? Не может быть, чтобы ты его просто шлёпнула.

– Ну не может, не может... Я всадила хороший розовый шип в его зад.

– Да?!

– Да.

– Я всегда подозревал что-то в этом роде! Ты помнишь, что они оба представляли собою потом – в этой мыльной пене?

Принцесса и Дракон снова смеются.

– Такой белый тортик! «Графские развалины»!

– Развалина на коне! Но не графская...

– Ого! Бери выше! Это был, по меньшей мере, герцог!

– Не принц?

– Нет. Я слышала: отпрыск одной очень боковой ветви. Очень.

– Измельчали, мерзавцы. И на кого претендуют! На мою девочку, мою красавицу!..

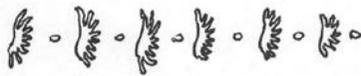
– И кого тщатся одолеть! Моего грозного, непобедимого!.. Самонадеянные юнцы... Что они понимают? Только и могут, что скакать на своих дурацких конях.

Дракон молчит, и на его шиповатой морде отображается сладкое мление. Он уже предвкушает, что она скажет сейчас:

– Я не променяю тебя ни на кого, моё прекрасное чудовище... Ведь ты умеешь летать!..

Мы закрываем за собой так нескромно отдёрнутую портьеру и тихо удаляемся из владений этой счастливой парочки, – впрочем, ещё успевая различить несущийся вслед тихий смех и обрывок фразы:

– ...а следующего мы окунём в бассейн...

Краткие сведения об авторах

БАРАНОВА Елена Викторовна родилась 11 июня 1980 года в Новокузнецке. Окончила школу №7, ПУ-70. С 2015 года живет в Москве. Работает специалистом по учету товара в супермаркете, компания Смарт Велью Ритейл. В «Контакт» пришла в 2006 году.

БЕЛОУСОВА Ольга Александровна родилась 9 мая 1977 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Томского университета, затем аспирантуру. Кандидат исторических наук. Зав. кафедрой Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, майор внутренней службы.

Участник II Форума молодых писателей России в Москве в октябре 2002 г., где обсуждалась её фантастическая повесть «За стеной». В КЛФ «Контакт» пришла в ноябре 2002 г. Первая публикация – рассказ «Корабль с голубой планеты» – в газете «Голубая магистраль» (Саратов) 27 августа 1991 г. Печаталась в журналах и коллективных сборниках Москвы, Киева, Таганрога, Казани, Новокузнецка, Кемерово. В начале 2007 г. в московском издательстве «ФОРУМ» вышла первая книга Ольги Белоусовой – роман «Перекрёсток волков». КЛФ «Контакт» выпустил две книжки Ольги Белоусовой. Член Союза писателей России.

БУЗИН Сергей Архимедович родился в январе 1962 года. Долгое время работал печатником в Новокузнецком полиграфкомбинате (ныне ООО «Полиграфист»). Первая публикация – фантастический рассказ «Контакт» – в газете «Сельская правда» 11 июня 1988 года.

БУЛАНОВ Виктор Юрьевич родился 27 января 1988 г. в Новокузнецке. Закончил гуманитарный факультет НФ КемГУ в 2010 г. Социолог. Работал в книжном магазине «Планета» менеджером по рекламе. Сейчас работает в Сибирском Центре Айкидо (Новокузнецк).

В КЛФ «Контакт» пришёл в октябре 2002 г. Первая публикация – рассказ «Ночной разговор» – в газете «Сельские вести» 25 апреля 2003 г.

ГОЛОВКОВ Александр Анатольевич (15 июня 1957 г., Новокузнецк – 30 января 1999 г., Новокузнецк). Закончил Новокузнецкий горно-машиностроительный техникум в 1977 г. Около двадцати лет проработал на производстве. Затем ушёл в журналистику. Сотрудничал со многими городскими газетами.

В КЛФ «Контакт» пришел в 1981 г. Первая НФ-публикация – рассказ «Соседи» – в газете «Сельская правда» 12 июля 1983 г. Рассказы А. Головкова номинировались на премию «Интерпресскон» (одну из самых престижных в российской фантастике) по разделу «Микрорассказ» в 1997, 2003 и 2005 годах. В 1999 г. Кемеровское отделение Союза писателей планировало принять его в свои ряды. КЛФ «Контакт» издана книга рассказов А. Головкова «Битва за рай» (Новокузнецк, 2008).

ГРЕП Евгений Викторович родился 22 апреля 1979 г. в Новокузнецке. Закончил Сибирский государственный индустриальный университет в 2001 г. Сейчас работает программистом в телекоммуникационной компании «Primetel» в г. Лимассол (Республика Кипр).

В КЛФ «Контакт» пришёл в 1997 г. Первая публикация – рассказ «Сказки ветра» – в газете «Озарение» осенью 1999 г. В 2004 г. в серии «Звёздный лабиринт» вышел авторский сборник Е. Грепа «Наброски с невозможного» (М.: ООО «Издательство АСТ»).

ГРИГОРЬЕВ Евгений Алексеевич родился 9 апреля 1981 г. в г. Астана (Казахстан). В Новокузнецке жил с 1996 г. Закончил Сибирский государственный индустриальный университет. После службы в армии живёт в г. Кемерово и работает по специальности.

В КЛФ «Контакт» пришёл в октябре 1999 г. Первая публикация – рассказ «Рок» – в газете «Сельские вести» 26 апреля 2002 г.

ДУДАРЕНКО (до замужества и сейчас – **Рыжова**) **Ольга Сергеевна** родилась 20 августа 1983 г. в Новокузнецке. Училась на факультете русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. Затем в Новокузнецком филиале Кемеровского государственного университета. Живёт в Новосибирске.

В КЛФ «Контакт» пришла в сентябре 1999 г. Пишет стихи и прозу. Первая публикация – подборка стихов – в альманахе «Озарение» в 2001 г.

ЖИЛЯНИНА Наталья Александровна родилась в г. Прага в семье военного офицера. Семья часто переезжала. Москва, Украина, Германия, Алтай. В Новокузнецке живёт с 1999 года. Работает учителем русского языка и литературы.

В КЛФ «Контакт» пришла в мае 2009 года. Первая публикация – стихотворная пародия на знатока литературы «А судьи кто? За стёклами очков...» – в газете «Звезда Алтая» 11 февраля 1999 г. В 2014 году малым тиражом вышла книжка Н. А. Жилининой – повесть «Ваш собеседник». Книжка рассказов «Неспящая» – в 2015 году.

ЗАГНУХИН Сергей Владимирович родился 23 октября 1962 года в Новокузнецке. Закончил технологический факультет Сибирского металлургического института (ныне – СибГИУ). За время учебы отслужил в армии. После института работал на заводе «Амурсталь» (Комсомольск-на-Амуре). Вернувшись в Новокузнецк, работал инженером-конструктором в сортопрокатном цехе КМК. Затем несколько лет проработал в лечебно-оздоровительном центре «Сенсус», видеоинженером на телевидении («10 канал» ННТ). В настоящее время – библиотекарь Новокузнецкой библиотеки им. Н.В.Гоголя.

В КЛФ «Контакт» пришёл летом 2003 года. Куратор клуба. Первая публикация – рассказ «Козлиная история» – в газете «Курс» (г. Белово) 22 декабря 2006 года. КЛФ «Контакт» издано пять книг Сергея Загнухина.

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии.

В КЛФ «Контакт» пришла в 2010 году. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. С 2009 по 2016 год клубом «Контакт» выпущено около десятка книг прозы Надежды Калашниковой, в 2017 – книжечка стихов «За кулисами улыбки». Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства за 2014 год (единственная в этом году за литературу).

КОКШАРОВ Юрий долгое время был активным участником лит. студии «Мастер-круг Татьяны Николаевой». После его смерти усилиями родных Юрия вышла книга его коротких юмористических рассказов и стихов «Я не вру!» (М.: Авторская книга, 2013).

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась 6 октября 1964 г. в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В 2007 году в московском издательстве АСТ вышел первый роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». Опубликованы её романы «Прогулки по крышам» (АСТ, 2009), «На хвосте удачи» (АСТ, 2011), «Грани Обсидиана» («Эксмо», 2013), «Сказки Волчьего полуострова. Король на площади» («Эксмо», 2014), «Призрачный роман» («Эксмо», 2015). Летом 2017 года издательство «Эксмо» выпустило седьмой роман Натальи Колесовой «Драконий жемчуг». КЛФ «Контакт» выпустил семь книжек с рассказами и повестями Натальи Колесовой.

КОЛОТВИН Валерий Викторович родился 12 июня 1961 г. в Новокузнецке. В 1981 г. закончил строительный техникум, затем служил в армии. Художник. Организовал творческую группу художников и поэтов «Круг Чистых». Член Московского объединения художников Международного Художественного Фонда с 1996 г.

В КЛФ «Контакт» пришел в 1978 г. Пишет стихи и прозу. Прозу писал и самостоятельно, и в соавторстве. Первая публикация – юмореска из цикла «Из космических озарений» под псевдонимом Тупавко (Тумаков, Павлов, Колотвин) – в газете «Комсомолец Кузбасса» (Кемерово) 26 января 1980 г.

ЛОГУНОВА Олеся Сергеевна родилась 20 мая 1980 года в г. Новосибирске. В Новокузнецке живёт с 1994 года. В 2003 году закончила факультет русского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии. Домохозяйка, работает приёмной мамой.

В КЛФ «Контакт» пришла в июне 2003 года. Первая публикация – юморески «Сказочки о великих» – в газете «Губернские ведомости» 31 января 2003 года.

ОРШАНСКАЯ Дарья (Греп Дарья Михайловна) родилась 16 февраля 1988 года в г. Новокузнецке. Закончила школу № 52. Училась на факультете русского языка и литературы КузГПА. Вместе с мужем Евгением Грепом живёт на Кипре в г. Лимассол.

В КЛФ «Контакт» пришла летом 2005 г. Первая публикация – рассказ «Человек» – в газете «Сельские вести» 4 августа 2006 г. КЛФ «Контакт» издана книга рассказов Д.Оршанской «Проводник» (Новокузнецк, 2008).

ПУДАЛОВ Максим Дмитриевич родился 27 сентября 1987 года в Новокузнецке. Закончил Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. Живёт и работает в Томске техническим директором в ИТ – компании.

В «Контакт» пришел в начале 2004 года. Первая публикация – рассказ «Звёздное небо» – в газете «Сельская правда» 5 ноября 2004 года.

РУССКИХ Анастасия Евгеньевна родилась 25 октября 1971 года. После школы работала почтальоном, лаборантом, сторожем, выпускающим редактором, менеджером, дизайнером, верстальщиком... Работала в Центральной прокопьевской библиотеке, руководила поэтическо-бардовским клубом «Апрель». В Новокузнецке живёт с 2010 года, работала в издательстве «Союз писателей» и по совместительству – в Центральной библиотеке им. Н.В.Гоголя.

Выпустила пять сборников стихов и прозы: «Улыбка феи» (Новокузнецк, 2002); «Небесная ставка» (Новокузнецк, 2003); «Привычка к полёту» (Кемерово, 2008), «Фракталы» (Новокузнецк, 2011) и книгу сказок «Сказки для взрослых» (Новокузнецк, 2012). Член Союза писателей России.

РЫЖКОВА Дарья Викторовна родилась 6 января 1988 года в г. Осинники. Закончила гуманитарный факультет НФ КемГУ в 2012 г. Живёт в Новокузнецке. Работает педагогом дополнительного образования в МБОУ ДО «СЮТ».

В КЛФ «Контакт» пришла в 2002 году. Первая публикация – рассказ «Напрасная жертва» (другое название «К дракону!») – в журнале «Запасный выход» (Новокузнецк) в сентябре 2009 г.

ТРЕГУБОВА Виктория Владимировна родилась в 1986 году в городе Грозном. Долгое время жила в Новокузнецке. Сейчас живёт в Санкт-Петербурге. Поэт, прозаик, художник. Член лит. студии «Мастер-кружок Татьяны Николаевой».

Содержание

1997	
Александр ГОЛОВКОВ	
Монолог Харона с Цербером на поводке	3
2003	
Александр ГОЛОВКОВ	
Этот сладкий процесс познания	4
Евгений ГРЕП	
«Закинул старик невод...»	4
Евгений ГРИГОРЬЕВ	
Рок	6
2005	
Ольга БЕЛОУСОВА	
Нежность	8
Александр ГОЛОВКОВ	
История любви	10
Валерий КОЛОТВИН	
Смерть Эзопа	12
2009	
Сергей БУЗИН	
Пассажир из прошлого	13
Сергей ЗАГНУХИН	
Козлиная история	14
Дарья ОРШАНСКАЯ	
Зимняя сказка	15
2010	
Сергей ЗАГНУХИН	
Серая напасть	17
2011	
Елена БАРАНОВА	
Ошибка мастера	19
Евгений ГРИГОРЬЕВ	
Геометр	20
Ольга ДУДАРЕНКО	
«Душно, бабушка...»	21
Сергей ЗАГНУХИН	
Свой крест	22

Олеся ЛОГУНОВА	
Самый сладкий сон.....	23
Максим ПУДАЛОВ	
Мясорубка	25
Виктория ТРЕГУБОВА	
Крикунья	26
2012	
Виктор БУЛАНОВ	
Змей Петров	28
Сергей ЗАГНУХИН	
Попаданец	29
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Жалоба волков	31
Анастасия РУССКИХ	
Случай с феей	32
Дарья РЫЖКОВА	
К Дракону!	34
Виктория ТРЕГУБОВА	
Ворохи	36
2013	
Сергей ЗАГНУХИН	
Смерть ведьмы.....	39
2014	
Сергей ЗАГНУХИН	
Поехали	41
2016	
Наталья ЖИЛЯНИНА	
Монолог Музы.....	42
2017	
Юрий КОКШАРОВ	
Любит, не любит.....	44
Наталья КОЛЕСОВА	
Моя жена – чужая.....	46
Анастасия РУССКИХ	
Игроки (королевство тричетвёртое)	47
Краткие сведения об авторах.....	50

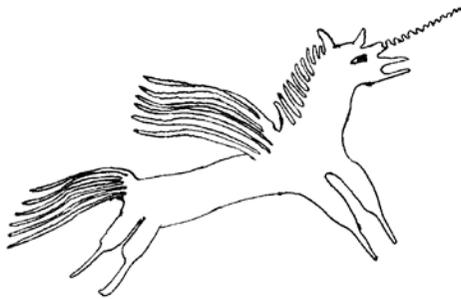
На первой странице обложки – рисунок Надежды Шишкиной «Город»

Тираж 50 экз.

Санкт-Петербургский «Интерпресскон» – старейший (после «Аэлиты») конвент по фантастике в России. На нём вручалась самая престижная премия по фантастике – «Бронзовая улитка» (личная премия Б.Н.Стругацкого). С 1993 года на конвенте вручается премия «Интерпресскон» по нескольким номинациям фантастики: крупная форма (роман), средняя форма (повесть), малая форма (рассказ), критика, публицистика и по другим номинациям. С 1997 года по предложению писателя

Святослава Логинова появилась ещё одна номинация «Интерпресскона» – сверхкороткий рассказ (минирассказ, микрорассказ). Предполагалось, что это будут рассказы до пяти тысяч знаков на компьютере, то есть не более одной-полутора страниц. Святослав Логинов и стал номинационной комиссией по минирассказам. Рассказы, участвующие в этом конкурсе, печатаются книжечкой без фамилии автора (только тексты) и раздаются всем участникам «Интерпресскона», которые за эти рассказы и голосуют. Уже в 1997 году участником конкурса микрорассказов стал контактовец Александр Головков с рассказом «Монолог Харона с Цербером на поводке». С 1997 года по 2017 год в этом конкурсе приняло участие тридцать рассказов двадцати новокузнецких авторов. Из них 16 – контактовцы. Лучшее достижение новокузнецчан в этом конкурсе – 2 место рассказа Натальи Колесовой «Моя жена – чужая» в 2017 году. Учитывая, что в конкурсе минирассказов постоянно принимают участие такие известные писатели, как Евгений Лукин, Святослав Логинов, Г.Л.Олди, Сергей Лукьяненко и другие, то даже участие в таком конкурсе – престижно.

Издательство «Ник без Compani»